
SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

АРЕСТАНТСКАЯ ЧЕСТЬ

Составилъ

К. Шрейтерфельдтъ.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Юридическаго Книжнаго магазина Н. К. Мартынова.
1903.

(См. стр. 3-ю обложки).

АРЕСТАНТСКАЯ ЧЕСТЬ

Составилъ

К. Шрейтерфельдтъ.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Юридическаго Книжнаго магазина Н. К. Мартынова.
1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Іюня 1903 г.

Паровая Типо-Литогр. инж. И. Г. Гершуна. Изм. п., 7 р., соб. д., № 13.

Арестантская честь.

За послѣднія десятка два съ небольшимъ лѣтъ, наука уголовнаго права подверглась вторженію совершенно новыхъ идей. Хотя нѣкоторые и утверждаютъ, что идеи эти весьма древни, что о чемъ то подобномъ говорилось во времена чуть-ли не Платона, но, во всякомъ случаѣ, если это даже было и такъ, то, очевидно, съ того времени и до появленія работъ Ломброзо и его послѣдователей идеи эти были основательно позабыты человѣчествомъ, такъ какъ наука уголовнаго права въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ своего предшествующаго развитія и до позднѣйшаго времени, а въ значительной степени и донынѣ придерживалась и придерживается схоластическихъ методовъ изученія и комментированія уголовныхъ кодексовъ, предполагая, что для криминалиста этого вполнѣ достаточно.

Тѣмъ не менѣе, живая струя новаго ученія уже пробилась сквозь плотную толщу старинныхъ предразсудковъ, и приверженцы старой, классической школы вынуждены постепенно уступать свои позиціи; нѣкоторые, впрочемъ, еще упорствуютъ въ своихъ предубѣжденіяхъ; но едва-ли не большинство ученыхъ-классиковъ пошло уже въ большей или меньшей степени на уступки новому ученію, стараясь найти возможность компромисса, чтобы, такимъ путемъ сохранивъ для себя излюбленные догматы, въ то-же время не вступить въ противорѣчіе съ тѣмъ, что носитъ на себѣ печать очевидной для каждаго истины.

Новая школа уголовнаго права, вовсе не устраняя необходимости и извѣстной пользы изученія уголовныхъ кодексовъ, въ основу свою положила уголовную антропологію и соціологію, справедливо полагая, что для юриста-криминалиста недостаточно того, чтобы знать уголовный кодексъ самымъ подробнымъ образомъ во всѣхъ его оттѣнкахъ и казуистическихъ толкованіяхъ. Криминалистъ долженъ понимать самую внутреннюю сущность уголовнаго кодекса, его причинную зависимость отъ факторовъ соціальныхъ и антропологическихъ; это необходимо, во первыхъ, потому, что на основаніи этого кодекса юристу приходится осуществлять свою практическую дѣятельность; во вторыхъ, потому. что юристъ долженъ быть лучшимъ совѣтникомъ законодательной власти при реформированіи закона, какъ просвѣщенный спеціалистъ.

Цѣлесообразность законовъ можно оцѣнивать лишь при основательномъ знаніи, какъ психофизической природы отдѣльнаго человѣка, такъ и общества и государства. Для того-то юристу и необходимо знаніе и антропологіи, и психологіи, и соціологіи. Криминалисту приходится имѣть дѣло по преимуществу съ преступнымъ человѣкомъ; поэтому криминалисту необходимо всестороннее, насколько возможно, изученіе послѣдняго, какъ индивидуально, такъ и въ соціальной средѣ. Для криминалиста одинаково важно изучать преступнаго человѣка, какъ въ условіяхъ его жизни на свободѣ, такъ и въ мѣстахъ заключенія, при чемъ для тюрьмовѣда важнѣе послѣднее. Впрочемъ, и для юриста это имѣетъ почти не меньшее значеніе, такъ какъ, приговаривая человѣка къ тому или иному наказанію, криминалистъ долженъ отдавать себѣ ясный отчетъ, почему такого то надобно сослать или заключить туда то или въ иное мѣсто. Вѣдь судьѣ даются закономъ подчасъ весьма широкія рамки въ примѣненіи наказанія, и онъ долженъ сознательно избирать тотъ или иной родъ наказанія, мѣру и степень его, дѣйствуя въ этомъ

случаѣ подобно врачу, составляющему рецептъ для лѣкарства; судья лѣчитъ болѣзнь двоякаго рода: болѣзнь соціальную и болѣзнь индивида, нравственную болѣзнь послѣдняго. Уголовная кара, цѣлесообразно примѣняемая, имѣетъ цѣлью какъ нравственное, а подчасъ и экономическое оздоровленіе общества, такъ и исправленіе самого преступника лично: юристъ прописываетъ лѣкарство, тюрьмовѣдъ-практикъ примѣняетъ его.

Такія серьезныя цѣли вызываютъ столь же серьезное отношеніе со стороны криминалиста и тюрьмовѣда къ ихъ дѣлу. А для того, чтобы дѣйствовать сознательно, съ увѣренностью, а не ощупью, необходима научная разработка всего того, что можетъ освѣтить дѣятельность судьи, законодателя и тюрьмовѣда. Въ настоящее время ученье антрополого-позитивной школы уголовнаго права частью уже отвѣтило на эти запросы; но надобно замѣтить, что область этихъ изслѣдованій еще только затронута ими, а, кромѣ того, громадное большинство ученыхъ изслѣдователей этой школы западно-европейцы, между тѣмъ самая психика людей разныхъ, не говоря уже расъ, но даже и національностей не вполнѣ схожа, но тѣмъ существеннѣе различіе, наблюдаемое въ соціальной жизни людей различныхъ національностей. Какъ будетъ показано въ дальнѣйшемъ изложеніи, психика преступниковъ различныхъ расъ различается довольно рѣзко, но еще болѣе рѣзко различаются ихъ соціальные обычаи и нравы.

Все это побуждаетъ приняться за изученіе нашего русскаго преступника, какъ взятаго индивидуально, такъ и въ его соціальной средѣ, при чемъ для настоящаго своего изслѣдованія я избралъ изученіе преступника въ соціальной средѣ, такъ какъ, во первыхъ, индивидуальное, т. е. по преимуществу антропологическое, изученіе преступнаго человѣка едва-ли возможно безъ спеціально медицинской и въ частности психіатрической подготовки, каковой я, въ качествѣ юриста, не обладаю,

наконецъ, оно мнѣ казалось даже менѣе важнымъ въ виду того обстоятельства, что преступленіе есть фактъ соціальной жизни и внѣ таковой оно не мыслимо: человѣкъ, находящійся на необитаемомъ островѣ, напр.. не можетъ свершить преступленія; вѣдь, преступность, какъ и нравственность, можетъ внѣшнимъ образомъ проявляться лишь по отношенію къ другимъ людямъ, окружающимъ индивида. Конечно, человѣкъ, и будучи изолированнымъ, можетъ имѣть порочныя желанія и наклонности, но пока онъ ихъ не проявилъ во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, до той поры онъ не можетъ считаться преступникомъ.

На этотъ разъ я избралъ себѣ изслѣдованіе преступнаго человѣка въ мѣстахъ заключенія, по тремъ причинамъ: во первыхъ, я посвящаю этотъ трудъ больше тюрьмовѣдѣнію, чѣмъ юриспруденціи, а, во вторыхъ, въ тюрьмахъ, гдѣ собраны преступники въ массахъ, яснѣе опредѣляются ихъ типическія общія черты, въ третьихъ, наконецъ, лишь для такого изслѣдованія я могъ найти въ достаточномъ количествѣ необходимые источники и матеріалы.

Ближайшимъ предметомъ моего изученія будетъ чувство чести у заключенныхъ преступниковъ. Интересъ этой темы заключается въ томъ, во первыхъ, что такимъ путемъ можно выяснить, съ одной стороны, каковы общественные идеалы у преступнаго человѣка, съ другой — какого рода воздѣйствіе на индивида оказываетъ окружающая преступная среда; поскольку, поэтому, можно разсчитывать на исправительное вліяніе тюремнаго заключенія на людей, впавшихъ въ преступленіе.

ГЛАВА I.

Общія начала.

Чувство чести есть чувство чисто соціальнаго характера и происхожденія; оно является какъ бы произведеніемъ индивидуальной психики на нрав-

ственный идеалъ окружающей соціальной среды. Понятіе о чести можно разсматривать въ субъективномъ и въ объективномъ смыслѣ. Въ смыслѣ субъективномъ честь заключается въ томъ внутреннемъ чувствѣ извѣстнаго удовлетворенія, которое испытываетъ человѣкъ, сознающій, что жизнь и поступки его заслуживаютъ одобренія окружающихъ и дѣйствительно одобряются ими; въ смыслѣ же объективномъ честь выражается въ тѣхъ знакахъ уваженія и одобренія, которые проявляютъ окружающіе по отношенію къ человѣку, поступающему согласно съ кодексомъ практической морали, принятымъ въ данной общественной средѣ. Соотношеніе между честью, понимаемой въ субъективномъ смыслѣ и честью—въ смыслѣ объективномъ то, что та и другая связаны взаимно и неразрывно: честь субъективная поддерживается и, такъ сказать, питается честью въ объективномъ смыслѣ, т. е. одобреніемъ и страхомъ порицанія со стороны общественнаго мнѣнія.

Сейчасъ было сказано, что чувство чести есть чувство чисто соціальное; соціальность его заключается въ томъ, что внѣ общественной жизни не можетъ существовать и понятія о чести. Въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ смѣшивать чувство чести съ совѣстью: совѣсть это внутренній свѣтъ, освѣщающій жизнь и дѣятельность человѣка, это божественнная искра, при свѣтѣ которой человѣкъ, *являясь самъ своимъ судьею*, отличаетъ добро отъ зла въ поступкахъ своихъ, а отчасти и другихъ людей. Чувство совѣсти, хотя и подвергается эволюціи по мѣрѣ культуры человѣка и общества, но зависимость этого чувства, отъ различія соціальнаго положенія, эпохи, среды и національности не столь велика и не столь очевидна, какъ это наблюдается относительно чувства чести. Чувство совѣсти имѣетъ болѣе опредѣленное и вмѣстѣ съ тѣмъ универсальное значеніе, въ высшемъ своемъ развитіи оно абсолютно, между тѣмъ какъ понятіе о чести всегда условно и зависитъ отъ мѣста и времени.

Поэтому въ практической жизни чувство чести, честолюбіе, иначе говоря, а подчасъ и тщеславіе, играетъ вообще преобладающую роль, люди часто руководствуются голосомъ общественнаго мнѣнія, не справляясь съ тѣмъ, что говоритъ имъ ихъ собственная совѣсть, и охотно своими собственными убѣжденіями они жертвуютъ общественнымъ предразсудкамъ. Совѣсть, такимъ образомъ, является высшимъ судьей человѣка, но администраторомъ по большей части является чувство низшей категоріи—чувство чести. Идеалъ, къ которому должно стремиться и общество и отдѣльный человѣкъ—это то, чтобы считаемое честью, совпало и слилось съ тѣмъ, что диктуетъ совѣсть. Какъ было сказано, совѣсть въ высшемъ своемъ развитіи абсолютна, и она можетъ и не зависѣть отъ соціальной среды: напр., человѣкъ, живя на необитаемомъ островѣ, можетъ говорить себѣ, что совѣсть ему запрещаетъ употреблять въ пищу мясо животныхъ, чтобы не мучить и не убивать ихъ, но едва-ли онъ могъ бы говорить въ этомъ случаѣ о чести. Честь, какъ уже сказано, неразрывно связана съ понятіемъ объ общественной жизни, съ понятіемъ объ одобреніи и порицаніи окружающихъ, а совѣсть часто идетъ въ разрѣзъ съ требованіями общества, если оно недостаточно развито въ нравственномъ отношеніи. Примѣровъ различія между честью и совѣстью можно подыскать чрезвычайно много.

Совѣсть культурнаго человѣка воспрещаетъ какъ месть, такъ и убійство, однако честь часто требуетъ и того и другого; отсюда, т. е. изъ требованія чести, но отнюдь не совѣсти—проистекаетъ въ современномъ обществѣ фактъ дуэли.

Только условнымъ понятіемъ о чести можно объяснить и то, что, по взглядамъ еще очень недавняго времени, а по понятіямъ нѣкоторыхъ и теперь,—измѣна и распутное поведеніе жены позоритъ честь мужа. Еще въ очень недавное время въ романахъ постоянно можно было встрѣтить по-

добную фразу, которую бросаетъ мужъ въ лицо своей легкомысленной женѣ:

— Вы опозорили мое честное, незапятнанное имя! и т. д.

Для современнаго развитого человѣка понятно, что каждый взрослый человѣкъ самъ является отвѣтственнымъ за свои поступки, и если мужъ человѣкъ нравственный, то какимъ же образомъ безнравственность и пороки жены могутъ унизить его нравственное достоинство. Однако еще очень недавно почти всѣ думали иначе. Можно полагать, что предразсудокъ о потерѣ чести мужемъ изъ-за дурного поведенія жены, идетъ съ того времени, когда жена еще считалась полной собственностью мужа, существомъ низшимъ, лично невмѣняемымъ и не отвѣтственнымъ.

Итакъ, понятіе о чести весьма условно и подвергается эволюціи, соотвѣтственно нравственному, а отчасти и умственному развитію общества. Какъ уже было сказано, идеаломъ въ этомъ отношеніи надобно считать то, когда чувство чести придетъ въ совпаденіе съ чувствомъ совѣсти. Въ этомъ случаѣ надо разумѣть, конечно, чувство совѣсти нормальныхъ, психически здоровыхъ людей, такъ какъ, по изслѣдованіямъ ученыхъ уголовно-антропологической школы, есть люди съ дефектами нравственнаго чувства и, наконецъ, такіе, у которыхъ совѣсть какъ бы совсѣмъ отсутствуетъ. Эмиль Лоранъ, основательно изучившій преступный міръ, говоритъ, что есть между преступниками цѣлая категорія людей, у которыхъ чувство совѣсти настолько притупилось, что голосъ ея уже окончательно смолкъ, и эти люди, вмѣсто слова совѣсть, выразительно употребляютъ слово „*нѣмая*“.

Нѣкоторые люди, говоритъ Эмиль Лоранъ, рождаются съ извѣстнымъ, такъ сказать, естественнымъ предрасположеніемъ къ добру и ко всему хорошему,—предрасположеніемъ легко переходящимъ въ привычку; это цвѣтъ человѣчества; древніе прилагали къ такимъ людямъ эпитетъ „справедли-

вые“. Другіе, наоборотъ, являются на свѣтъ съ непреодолимой наклонностью ко злу; какое бы ни оказывалось противодѣйствіе развитію этой наклонности, они также легко усваиваютъ себѣ привычку къ совершенію дурныхъ поступковъ, какъ первые къ совершенію поступковъ хорошихъ. Это нравственно-помѣшанные или прирожденные преступники. Но есть индивиды, и они-то именно и составляютъ большинство, которые на зарѣ своей жизни колеблются между добромъ и зломъ. Въ ихъ душѣ, какъ въ душѣ Геркулеса на распутьѣ, звучатъ два голоса, изъ которыхъ каждый обращается къ нимъ съ своей рѣчью, и они прислушиваются къ этимъ совершенно различнымъ рѣчамъ. Ихъ совѣсть подчиняется власти одного или другого изъ этихъ голосовъ, и одни изъ нихъ становятся честными людьми, другіе преступниками. Для того, чтобы совершить дурной поступокъ, человѣку необходимо преодолѣть много значительныхъ препятствій: онъ долженъ уничтожить въ себѣ сомнѣнія совѣсти, сомнѣнія, врожденныя или привитыя воспитаніемъ, побѣдить страхъ передъ наказаніемъ и попрать уваженіе къ закону; первый шагъ по ложному пути зла требуетъ очень большихъ усилій. Но если человѣкъ совершаетъ тотъ же дурной поступокъ во второй, третій разъ и т. д., совѣсть его притупляется, страхъ передъ закономъ постепенно уменьшается, и онъ выполняетъ поступокъ безъ усилій, безъ волненья, почти механически.

Въ области матеріальныхъ явленій привычка необходимое условіе физическаго существованія.

То же самое мы наблюдаемъ въ области духовныхъ явленій: повтореніе преступленія приводитъ къ тому, что преступникъ совершаетъ его безъ колебаній и безъ упрековъ совѣсти. Совѣсть въ немъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе притупляется и, наконецъ, совершенно засыпаетъ; она становится, мы пользуемся выраженіемъ тюремнаго жаргона, — *нѣмою.* Съ этого момента, съ момента, когда въ че-

ловѣкѣ перестаетъ звучать голосъ совѣсти, онъ начинаетъ видѣть въ дурномъ поступкѣ столь же естественное явленіе, какъ и въ хорошемъ, и въ каждомъ случаѣ, когда для него выгодно украсть или убить, онъ крадетъ и убиваетъ хладнокровно, безъ колебаній, по привычкѣ *).

Итакъ, не только чувство чести, но и чувство совѣсти не у всѣхъ людей одинаково развито; это послѣднее различіе коренится главнымъ образомъ въ индивидуальныхъ органическихъ особенностяхъ вырождающагося человѣка, при чемъ эти особенности, въ свою очередь, являются слѣдствіемъ вліяній соціальныхъ условій, такъ какъ нищета, алкоголизмъ и развратъ и имѣютъ своимъ результатомъ вырожденіе, какъ настоящаго такъ и будущихъ поколѣній.

У нормальнаго человѣка, говоритъ Легренъ, передніе и задніе мозговые центры дѣйствуютъ совмѣстно, въ извѣстной гармоніи; первые исполняютъ высшія функціи индивидуальной дѣятельности, вторые,—низшія функціи, представляя собою источники аппетитовъ и инстинктовъ; но тамъ, гдѣ гармонія эта нарушена, какъ это, по нашему мнѣнію, бываетъ у нравственно-помѣшанныхъ и прирожденныхъ преступниковъ, передніе центры парализованы, неподвижны—тамъ нижнимъ центрамъ принадлежитъ полное господство: человѣкъ безъ этой гармоніи превратится въ раба своихъ страстей, своихъ инстинктовъ; у него не будетъ другого занятія, кромѣ стремленіи удовлетворить свои аппетиты, и для достиженія этой цѣли—всѣ средства будутъ въ его глазахъ одинаково хороши, такъ какъ различіе между справедливымъ и несправедливымъ, добромъ и зломъ, перестанетъ для него существовать. Въ его мозговой субстанціи имѣются, по живописному выраженію Маньяна, прорѣхи, дыры. Совѣсть прирожденнаго преступника не молчитъ, какъ совѣсть преступника привычки,—

*) Э. Лоранъ «Тюремный Міръ», стр. 50—51.

нѣтъ, она говоритъ, но говоритъ, какъ больная; она бредитъ; преступникъ привычки дѣлаетъ зло ради выгодъ, которыя онъ можетъ изъ него извлечь; прирожденный преступникъ, большей частью, дѣлаетъ зло ради зла, такъ сказать, изъ любви къ искусству. Нравственно-помѣшанные и прирожденные преступники—представители наслѣдственнаго вырожденія, по словамъ Ломброзо, оба недоступны высокимъ чувствомъ справедливости и гуманности, какъ нравственно-помѣшанный, такъ и прирожденный преступникъ невоспріимчивы къ эстетическимъ и нравственнымъ мотивамъ: инстинкты, у другихъ людей тщательно сокрытые, у нихъ проявляются совершенно открыто.

Такъ говорятъ ученые антропологи и психіатры, а сейчасъ мы приведемъ мнѣніе извѣстнаго филантропа нашего времени, Вильяма Бутса, къ которому онъ пришелъ на основаніи своего свыше сорокапятилѣтняго тѣснаго знакомства съ міромъ отверженныхъ и неудачниковъ: „утверждаютъ, что дурныя привычки, если онѣ укореняются, приводятъ, въ концѣ концовъ, къ тому, что человѣкъ изъ существа, одареннаго свободной волей, превращается въ автомата. Дѣйствительно, факты вполнѣ подтверждаютъ этотъ взглядъ на дѣло. Есть люди до такой степени лѣнивые, что никакое вознагражденіе не можетъ побудить ихъ работать, до такой степени закоренѣлые въ порокѣ, что добродѣтель имъ кажется отвратительной, до того утратившіе всякое понятіе о честности, что воровство представляется имъ вполнѣ естественнымъ. Когда человѣкъ доходитъ до такого состоянія, то его, къ сожалѣнію, приходится признать нравственнымъ уродомъ, неспособнымъ къ самообладанію, и удалить изъ общества, въ которомъ онъ не можетъ жить на свободѣ“.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ съ несомнѣнностью, что существуютъ люди съ болѣзненно измѣненнымъ чувствомъ совѣсти, иначе говоря, нравственнымъ чувствомъ, есть люди и совершенно лишен-

ные этого чувства: нравственно-помѣшанные и прирожденные преступники. Чувство совѣсти есть чувство чисто индивидуальное, зависящее кореннымъ образомъ отъ психо-физической организаціи человѣка, и уже на второмъ планѣ стоитъ здѣсь воздѣйствіе окружающей среды.

Теперь обратимъ вниманіе на то, въ какомъ отношеніи измѣняется чувство чести у преступниковъ: можно считать доказаннымъ, что есть люди лишенные совѣсти, но будутъ-ли они вмѣстѣ съ тѣмъ и лишенными чувства чести?

Изслѣдованія ученыхъ антрополого-позитивной школы, равно какъ и наблюденія тѣхъ лицъ, которыхъ обстоятельства сталкивали тѣснымъ образомъ съ преступной средой, показываютъ, что чувство чести у преступниковъ есть, но только эмоціи этого чувства вызываются у нихъ зачастую не тѣми причинами, какъ у людей непреступныхъ.

О томъ, что это чувство присуще преступникамъ, Эмиль Лоранъ говоритъ слѣдующее:

Жестокіе и лукавые, плуты и вруны, необразованные и легкомысленные, совершенно неспособные къ правильному мышленію, преступники тѣмъ не менѣе отличаются тщеславіемъ въ гораздо большей степени, чѣмъ другіе люди... Хвастуны и часто говоруны самой низкой пробы, они разсказываютъ про себя самыя нелѣпыя исторіи; исторіи эти можно найти въ любой уличной газетѣ; само собою разумѣется, что въ этихъ разсказахъ разсказчики всегда выступаютъ въ роли смѣлыхъ и заслуживающихъ удивленія героевъ. Преступники любятъ преувеличивать свои преступленія и хвастаться ими же вымышленными злодѣяніями. Въ этомъ отношеніи они всѣ нѣсколько истеричны. Надо видѣть, какъ гордо они себя держатъ; надо видѣть, какъ высокомѣрно и презрительно смотрятъ эти „звѣзды“ каторги на бродягъ и юныхъ начинающихъ воровъ. Ихъ имена красуются на стѣнахъ тюремъ и молодежь произноситъ ихъ съ извѣстнаго рода благоговѣніемъ. Тщеславіе пре-

ступниковъ—вотъ причина, такъ часто побуждающая ихъ писать свои мемуары: они желаютъ, чтобы и въ потомкахъ сохранилась память объ ихъ славныхъ дѣяніяхъ. И чего только они не выдумываютъ, какимъ слогомъ они не повѣствуютъ о своихъ приключеніяхъ и своей судьбѣ *).

Преступникъ обольщаетъ свою совѣсть и считаетъ себя въ правѣ дѣлать все, что хочетъ,—говоритъ Эмиль Лоранъ и приводитъ въ примѣръ одного извѣстнаго ему вора, который кралъ у крестьянъ кроликовъ и не видѣлъ въ этомъ ничего дурного на томъ основаніи, что крестьянамъ ничего не стоитъ кормъ для этихъ кроликовъ. Наконецъ, преступники на своемъ жаргонѣ называютъ совѣсть „нѣмою".

Такимъ образомъ—говоритъ Жоли — преступникъ считаетъ себя честнымъ человѣкомъ даже послѣ того, какъ онъ украдкой посмотрѣлъ на себя въ зеркало своей совѣсти, и, бесѣдуя съ вами, онъ высоко держитъ свою голову и говоритъ съ вами гордымъ тономъ.

Итакъ доказано, что чувство чести, хотя и крайне своеобразно понимаемое, у преступниковъ есть. Эмиль Лоранъ больше говоритъ, правда, о тщеславіи преступниковъ, но, вѣдь что такое тщеславіе?—Тщеславіе—это неправильно, ложно понимаемое чувство чести; ясно, что то, что для преступниковъ является честолюбіемъ, то для человѣка нормальнаго—непреступнаго кажется лишь жалкимъ тщеславіемъ, т. е. „тщетнымъ" (ложнымъ) понятіемъ о чести.

Переходя отъ заключеній ученыхъ къ наблюденіямъ лицъ, изучавшихъ преступный міръ въ непосредственномъ съ нимъ соприкосновеніи, упомянемъ, что всѣхъ заключенныхъ, описанныхъ Достоевскимъ въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома", можно подраздѣлить на двѣ слѣдующія далеко неравныя по числу группы: преступниковъ общаго

*) Тамъ же, стр. 275.

права и преступниковъ политическихъ. Только въ первой категоріи встрѣчаются люди, и таковыхъ, быть можетъ, большинство, съ очевидными дефектами въ области нравственнаго чувства, съ притупленіемъ этого чувства, съ отсутствіемъ сознанія противоестественности и жестокости своихъ дѣяній. Достоевскій описываетъ также и преступниковъ изъ числа военно-служащихъ, осужденныхъ за нарушеніе служебныхъ обязанностей и дисциплины: за побѣги, оскорбленіе начальниковъ, за претензіи, признанныя неосновательными и т. п. Многіе изъ осужденныхъ этой послѣдней категоріи являются вполнѣ нормальными со стороны нравственности. Но обширная категорія преступниковъ общаго права характеризуется въ общемъ, какъ уже было сказано, отсутствіемъ настоящаго нравственнаго чувства, а потому и извращеніемъ понятія о чести. Чувство чести вырождается у нихъ въ пустое и ложное тщеславіе, поглощенное заботой о томъ, что о нихъ будутъ говорить и думать окружающіе, и ради этого они позируютъ, хвастаются и вообще стараются казаться невсегда даже тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ, преувеличивая свои дурныя, но съ ихъ точки зрѣнія, почтенныя качества: жестокость, кровожадность, преступность и т. п. То, что у нормальныхъ людей считается дурнымъ и отталкивающимъ, то этимъ порочнымъ людямъ представляется какъ идеалъ; чувство чести у нихъ совершенно извращено, хотя въ такомъ извращенномъ видѣ и существуетъ.

Къ такимъ же выводамъ приводятъ насъ и изслѣдованія Никитина, Максимова, Ядринцева, Мельшина и другихъ.

Изъ всего изложеннаго видно, что чувство чести присуще каждому человѣку, живущему въ обществѣ другихъ людей, вмѣстѣ съ тѣмъ оно далеко не тождественно съ совѣстью; оно весьма условно: то, что для однихъ считается честнымъ и вызываетъ одобреніе, то другихъ позоритъ. Напримѣръ, священникъ, получившій незаслуженное и тяжкое

оскорбленіе, хорошо сдѣлаетъ, если проститъ оскорбителя, какъ то и заповѣдуетъ христіанская религія и мораль; для офицера же въ подобномъ случаѣ, по взглядамъ военной среды, является необходимой дуэль; дикарь, если не въ состояніи убить оскорбителя на мѣстѣ, то постарается сдѣлать это хотя бы изъ-за угла и, совершивъ это, будетъ чувствовать себя удовлетвореннымъ, смывшимъ оскорбленіе кровью врага. Для нормальнаго человѣка кража позорна, разбой и убійство отвратительны, а для прирожденнаго преступника и нравственно-помѣшаннаго ловкая кража—предметъ хвастовства и зависти другихъ такихъ-же людей, а разбой и самыя жестокія убійства—это высшій успѣхъ, возносящій преступника на громадную высоту въ глазахъ ему подобныхъ.

Такимъ образомъ у извѣстной категоріи преступниковъ существуетъ свой особенный кодексъ чести, кодексъ совершенно отличный отъ того, какимъ руководствуются нормальные, непреступные люди, хотя, какъ мы видѣли, и для послѣднихъ понятія о чести не для всѣхъ одинаковы. Вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ понятія о чести, какія существуютъ въ данной общественной средѣ, являются самымъ лучшимъ показателемъ ея нравственнаго уровня и тѣхъ идеаловъ, какими въ данный моментъ она живетъ. Нѣтъ такого общественнаго единенія людей, въ которомъ не существовали бы всегда опредѣленныя для даннаго времени понятія о добрѣ и злѣ, о похвальномъ и достойномъ порицанія.

Основываясь на изслѣдованіяхъ ученыхъ антрополого-позитивной школы уголовнаго права, можно думать, что разница самая основная въ понятіяхъ о чести непреступныхъ людей и преступниковъ можетъ зависѣть отъ того, что общественныя единенія первыхъ свободны, точнѣе непринудительны, и вызываются общежительными цѣлями, а потому среди нихъ вырабатываются подъ вліяніемъ времени идеалы, все болѣе и болѣе отвѣчающіе потребностямъ свободнаго общежитія,

идеалы, развивая которые общество будетъ все тѣснѣе и тѣснѣе соединяться для блага общаго и каждаго изъ отдѣльныхъ своихъ членовъ. Совершенно иначе относительно преступниковъ: будучи отверженцами общества, они вступаютъ съ нимъ въ борьбу, а потому и идеалы ихъ, если умѣстно о нихъ говорить, носятъ, такъ сказать, центробѣжный, антисоціальный характеръ. Преступникъ, по самой сущности своей дѣятельности, существо антисоціальное, призванное къ тому, чтобы жить одиноко, подобно хищному животному. Конечно, принудительное соединеніе ихъ, въ тюрьмѣ и каторгѣ не можетъ развить у нихъ соціальныхъ качествъ, а скорѣе даже наоборотъ.

Естественно было бы ожидать, говоритъ Эмиль Лоранъ, что преступники, какъ люди, которые ведутъ открытую борьбу съ обществомъ, находятся въ хорошихъ отношеніяхъ другъ съ другомъ. Въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго. Они нарушаютъ слово, данное своимъ друзьямъ и товарищамъ по профессіи также легко, какъ слово, данное ими буржуа. Изъ десяти преступниковъ—девять выдаютъ имена своихъ сообщниковъ, и когда полиція отыскиваетъ ихъ товарищей, они сами охотно предлагаютъ ей свои услуги въ этомъ отношеніи. Это обычное явленіе.

Доносъ,—говоритъ Ломброзо,—это грустная подлость въ глазахъ преступника въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ направленъ противъ него, но, по одному изъ тѣхъ противорѣчій, присутствію которыхъ въ человѣческомъ сердцѣ намъ такъ часто приходится удивляться,—они сами, не задумываясь, доносятъ на другихъ.

Даже въ тюрьмѣ, гдѣ, казалось бы, всѣ преступники безусловно заинтересованы въ томъ, чтобы дружно жить другъ съ другомъ и, такъ сказать, сообща бороться съ своими врагами—тюремщиками, даже тамъ они выдаютъ другъ друга изъ зависти, изъ надежды на маленькое вознагражденіе, а то и просто на просто, въ расчетѣ снис-

кать себѣ расположеніе какого-нибудь надсмотрщика. Иногда они даже безъ всякой причины прибѣгаютъ къ подлымъ доносамъ: такой-то, по ихъ мнѣнію, счастливѣе ихъ, къ такому-то тюремное начальство относится лучше, чѣмъ къ нимъ, зависить или злоба побуждаютъ ихъ искать гибели этихъ счастливцевъ, и для достиженія такой цѣли, они не останавливаются ни передъ чѣмъ, даже передъ анонимными письмами. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, помимо дѣятельности полиціи, то недовѣріе, которымъ характеризуются взаимныя отношенія преступниковъ, являются главною причиною распаденія и гибели ихъ ассоціацій. Ассоціацій въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ сообществъ съ постояннымъ составомъ членовъ, съ общепризнаннымъ главою и руководителемъ, съ опредѣленнымъ уставомъ и кодексомъ правилъ, такихъ ассоціацій уже болѣе нѣтъ *).

Такъ категорически высказывается Эмиль Лоранъ. Однако мы знаемъ, что преступники не такъ уже рѣдко составляютъ нѣкоторое подобіе ассоціацій, преступныя сообщества, напр. шайки, и тогда сейчасъ же у нихъ являются и нѣкоторые признаки соціальныхъ отношеній: такъ, напр., они обязаны поддерживать другъ друга, не выдавать тайнъ сообщества постороннимъ лицамъ и т. п.

Во всякомъ случаѣ настоящій, т. е. не случайный, преступникъ, по своей натурѣ и по всей своей дѣятельности,—существо антисоціальное, какъ и самое преступленіе есть дѣйствіе антисоціальное, а потому нечему и удивляться, что тѣ понятія о чести, которыя вырабатываются въ средѣ преступниковъ, оказываются рѣзко непохожими на тѣ, какими руководствуются въ своемъ поведеніи люди нормальные, непреступные.

Здѣсь были приведены мнѣнія нѣкоторыхъ выдающихся французскихъ и итальянскихъ ученыхъ изслѣдователей, мнѣнія, высказанныя на основа-

---

*) Тамъ же, стр. 299—300

ніи глубокаго изученія преступниковъ соотвѣтствующихъ національностей, но необходимо имѣть въ виду, что преступный міръ изучался этими изслѣдователями по преимуществу въ мѣстахъ заключенія, въ тюрьмахъ. Тѣмъ интереснѣе сопоставить съ ихъ выводами мнѣнія лицъ, изучавшихъ жизнь преступниковъ не только въ тюрьмѣ, но и на свободѣ, притомъ быть преступниковъ и другихъ національностей, кромѣ романскихъ. Лишь на основаніи такихъ всестороннихъ изслѣдованій можно съ большей увѣренностью отвѣтить на вопросъ: лишены-ли въ дѣйствительности преступники соціальныхъ инстинктовъ, въ томъ числѣ и правильно понимаемаго чувства чести, или же окончательное извращеніе всѣхъ соціальныхъ чувствъ у порочныхъ людей создается въ тюрьмѣ, какъ въ мѣстѣ принудительнаго общежитія, или же и въ тюрьмѣ возможно развивать общежительные инстинкты и чувства. A priori можно было бы разсуждать такимъ образомъ: свободное общеніе между людьми, связанными взаимными интересами и развивающимися на этой почвѣ симпатіями, вырабатываютъ извѣстные центростремительные, или взаимно-притягивающіе, людей чувства и инстинкты; наоборотъ, принудительное общежитіе людей, не связанныхъ общими интересами, должно вырабатывать антисоціальные, т. е. центробѣжные, взаимно-отталкивающіе людей чувства и инстинкты.

Не потому-ли Эмиль Лоранъ и говоритъ, что изъ всѣхъ школъ порока тюрьма, несомнѣнно, самая опасная, и съ этимъ мнѣніемъ очень многіе согласны.

Для того, чтобы освѣтить этотъ вопросъ фактами, сошлемся на наблюденія Джозіа Флайнта. Заинтересованный бродяжничествомъ, какъ соціальнымъ явленіемъ, Флайнтъ рѣшилъ, по возможности, ближе изучить міръ „этихъ рыцарей большихъ дорогъ», этихъ паріевъ общества, образующихъ главный контингентъ населенія тюремъ. Бродяга и преступникъ почти синонимы (того же мнѣ-

нія, кстати, у насъ Максимовъ и Ядринцевъ), и міръ бродягъ, дѣйствительно, поставляетъ наибольшее число преступниковъ. Поэтому для криминалиста онъ долженъ былъ бы представлять исключительный интересъ. Но криминалисты изучаютъ преступниковъ только тогда, когда они попадаютъ въ тюрьму, въ заключеніе, въ совершенно несвойственную имъ обстановку, вслѣдствіе чего выводы ихъ непремѣнно должны страдать нѣкоторой односторонностью. Они не видятъ преступника въ его нормальной обстановкѣ, совершенно не знаютъ его жизни, такъ что классификація преступниковъ далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, по мнѣнію Флайнта. Исходя изъ такого убѣжденія, Флайнтъ рѣшилъ самъ обратиться въ бродягу и странствовать по большимъ дорогамъ, раздѣляя съ бродягами всѣ превратности ихъ богатой приключеніями и злоключеніями жизни.

«Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ — говоритъ Флайнтъ въ своей книгѣ «Tramping vith Tramps», — иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ я жилъ въ тѣсной дружбѣ съ различными бродягами Европы и Америки. Я близко познакомился съ ихъ жизнью, характеромъ, наклонностями».

Классъ бродягъ близко соприкасается съ преступниками всякаго рода, но, по мнѣнію Флайнта, преступники составляютъ, что называется, «аристократію» этого класса, какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ. Очень часто преступники, не имѣвшіе удачи или разочаровавшіеся въ своемъ ремеслѣ и потерявшіе бодрость духа, превращаются въ профессіональныхъ бродягъ, такъ какъ другіе пути для нихъ закрыты. Существованіе бродяги, во всякомъ случаѣ, кажется такому человѣку болѣе привлекательнымъ, нежели прозябаніе въ трущобахъ, отъ котораго именно онъ и мечталъ избавиться, когда прибѣгнулъ къ преступленію, чтобы добыть средства къ хорошей жизни. Сталкиваясь постоянно съ преступниками во время своего общенія съ бродягами, Флайнтъ пришелъ

къ заключенію, что дегенераты встрѣчаются между ними вовсе не часто.

«Конечно, говоритъ онъ, я не могъ провѣрить ихъ, череповъ, взвѣсить ихъ, осмотрѣть ихъ зубы, небо и сосчитать ихъ пульсъ въ возбужденномъ состояніи, но я долженъ сказать, что тотъ типъ преступника, который изображаютъ криминалисты въ своихъ ученыхъ трудахъ, совсѣмъ не похожъ на преступниковъ, разгуливающихъ на свободѣ, съ которыми мнѣ приходилось близко сталкиваться во время своей бродяжнической жизни. Я бы сказалъ даже, что эти изображенія скорѣе напоминаютъ каррикатуру преступника... Дѣйствительно, всѣ авторы, писавшіе о преступникахъ, впадаютъ въ ту ошибку, что выбираютъ для иллюстраціи своихъ теорій самые худшіе экземпляры, какіе только имъ попадаются, и выдаютъ ихъ за представителей преступнаго типа. Между тѣмъ, большинство тѣхъ, которыхъ я зналъ, въ особенности, если имъ небыло еще тридцати лѣтъ, могли бы фигурировать съ честью въ любомъ классѣ общества, если ихъ пріодѣть хорошенько. Послѣ тридцати лѣтъ, а иногда и меньше, они пріобрѣтаютъ дѣйствительно какой то особый отпечатокъ, и этотъ отпечатокъ кладетъ на нихъ не ихъ преступность, а болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ тюрьмѣ. Тюремная жизнь, особенно если она повторяется часто и при этомъ въ большихъ дозахъ, всегда оставляетъ слѣды, и даже самый нравственный человѣкъ пріобрѣтаетъ послѣ этого всѣ характерныя черты обитателя тюремъ. Даже тѣ люди, профессію которыхъ составляетъ разыскиваніе преступниковъ, вслѣдствіе частаго соприкосновенія съ ними пріобрѣтаютъ свойственныя имъ черты и привычки, и я, говоритъ Флайнтъ, зналъ многихъ сыщиковъ, которыхъ принимали за преступниковъ сами преступники, вслѣдствіе этихъ характерныхъ чертъ, которыя они замѣчали у нихъ. Въ физическомъ отношеніи преступники, живущіе на свободѣ вмѣстѣ съ бродягами, сильны и здоровы; однако, приближаясь

къ тридцатилѣтнему возрасту, они обыкновенно, слабѣютъ, но только потому, что къ этому времени они, обыкновенно, успѣваютъ много разъ побывать въ тюрьмахъ... Тюрьма бываетъ причиною того, что среди преступниковъ встрѣчаются гораздо чаще больные люди, нежели среди бродягъ.»

Флайнтъ совѣтуетъ криминалистамъ испытать самимъ, въ какой степени тюремное заключеніе вліяетъ на душевное равновѣсіе даже вполнѣ добровольныхъ узниковъ.

Часто говорятъ, что преступникъ не можетъ считаться вполнѣ нормальнымъ въ нравственномъ отношеніи субъектомъ, потому что ему недоступно чувство раскаянія. Это мнѣніе, говоритъ Флайнтъ, также основано на недостаточномъ знакомствѣ съ жизнью преступниковъ. Въ отношеніи общества преступникъ, дѣйствительно, неспособенъ испытывать раскаяніе. Общество караетъ его за преступленіе и такимъ образомъ заставляетъ его уплатить свой нравственный долгъ.

Преступникъ считаетъ это вполнѣ естественнымъ и смотритъ на наказанія, какъ на платежъ своего долга. Конечно, онъ всегда старается избѣжать платежа, но, уплативъ его, считаетъ, что расквитался съ обществомъ, и потому никакія угрызенія совѣсти и раскаянія ему неизвѣстны. Однако, изъ этого еще не слѣдуетъ выводить заключенія, что преступникъ вообще не способенъ раскаиваться. Напротивъ, но этика преступника нѣсколько иная. Онъ будетъ горою стоять за своего товарища и глубоко презираетъ измѣнниковъ. Вообще большинство преступниковъ всегда стоятъ другъ за друга и тотъ, кто выдаетъ, навлекаетъ на себя всеобщее презрѣніе товарищей, жизнь его становится невыносимой, такъ что зачастую такіе субъекты кончаютъ самоубійствомъ. Товарищество обыкновенно сильно развито среди преступниковъ. Этому отчасти способствуетъ общая опасность, которая грозитъ имъ и поэтому заставляетъ ихъ примыкать другъ къ другу. Но даже помимо этого, бро-

дяга и преступникъ всегда готовы помогать другъ другу совершенно безкорыстно.

„Я ни разу не встрѣтилъ ни одного преступника, свидѣтельствуетъ Флайнтъ,—который бы не былъ готовъ подѣлиться со мною своими послѣдними деньгами или вступиться за меня въ дракѣ, если онъ видѣлъ, что я нуждаюсь въ его помощи. Такія же товарищескія чувства онъ выказываетъ всѣмъ людямъ, которые, такъ или иначе, соприкасаются съ его жизнью. Онъ всегда подѣлится послѣднимъ кускомъ хлѣба съ товарищемъ, такъ же способенъ испытывать угрызенія совѣсти, если не исполнитъ его просьбы, или не поможетъ ему въ нуждѣ, какъ и всякій другой человѣкъ въ нормальныхъ условіяхъ жизни“.

По словамъ Флайнта, нѣкоторые поступки всегда вызываютъ раскаяніе у преступника. Напримѣръ: взять деньги у бѣдняка онъ считаетъ дурнымъ поступкомъ. Если онъ по ошибкѣ ограбитъ небогатыхъ людей, то его долго мучитъ совѣсть: онъ слишкомъ близко соприкасается съ бѣдностью, чтобы не испытывать раскаянія, если ему случится обидѣть бѣдняка.

Флайнтъ знавалъ случаи, когда преступники отсылали назадъ похищенныя деньги, узнавъ, что лицо у котораго они похитили эти деньги, сильно въ нихъ нуждается. Филантропы могли бы поучиться милосердію у многихъ преступниковъ, относящихся, напр., съ состраданіемъ къ человѣку изъ лучшихъ классовъ общества, попавшему, вслѣдствіе роковой случайности, въ среду бродягъ и преступниковъ. Такихъ павшихъ людей преступники и бродяги жалѣютъ и даже готовы помочь имъ выйти изъ той ямы, въ которую они попали, и вернуться къ прежней жизни.

Флайнтъ увѣряетъ, что каждый преступникъ, непремѣнно, хоть разъ въ жизни, испыталъ раскаяніе и сожалѣніе о томъ, что роковое стеченіе обстоятельствъ толкнуло его на путь преступленія. Это сожалѣніе и раскаяніе всегда бываютъ

вполнѣ искренни, и, быть можетъ, если бы преступникъ считалъ возвратъ возможнымъ, то онъ попробовалъ бы вновь вернуться въ общество, откуда его изгнали разныя роковыя случайности и страстное желаніе лучшей (въ смыслѣ матеріальномъ) жизни.

Въ противоположность тѣмъ ученымъ изслѣдователямъ, которые отрицаютъ у преступниковъ наличность общежительныхъ инстинктовъ, Флайнтъ считаетъ характерною чертою бродягъ ихъ стремленіе къ общественности.

Одиночество является для нихъ худшимъ наказаніемъ, если только у нихъ нѣтъ особенной болѣзненной склонности къ уединенію. Всѣ эти отверженные чувствуютъ непреодолимую потребность къ солидарности, къ общенію другъ съ другомъ. Среди бродягъ всегда замѣчается стремленіе къ группировкѣ и такія группировки представляютъ собою настоящіе „клубы отверженныхъ". Въ Америкѣ такихъ клубовъ чрезвычайно много. Флайнтъ, имѣвшій случай, въ качествѣ бродяги, близко познакомиться съ нѣкоторыми изъ этихъ учрежденій, описываетъ тѣ изъ нихъ, которыя онъ считаетъ наиболѣе любопытными. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ собою также ассоціаціи преступниковъ, другіе-же устроены спеціально для кулачныхъ боевъ. Но есть также клубы, устроенные исключительно съ общественной цѣлью, и они составляютъ центръ, гдѣ собираются бродяги для обмѣна новостями и встрѣчи другъ съ другомъ. Въ этомъ-то и заключается разница такихъ клубовъ съ тѣми, которые устраиваются преступниками, такъ какъ послѣднихъ заставляетъ сходиться вмѣстѣ и организовать сообщество не одно только стремленіе къ общенію, а также и дѣловыя соображенія, такъ какъ дѣйствовать сообща часто бываетъ выгоднѣе и удобнѣе. Изъ всѣхъ клубовъ взрослыхъ (существуютъ и особые клубы дѣтей и стариковъ) самымъ интереснымъ Флайнтъ находитъ клубъ „Кенгуру", составляющій исключительно принад-

лежность тюремной жизни. Въ американскихъ провинціальныхъ тюрьмахъ заключеннымъ разрѣшается проводить время днемъ въ большей залѣ, въ которой находятся столъ, скамья и газеты, а въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ въ этихъ залахъ устроены даже очаги и есть вся кухонная утварь. Въ этой залѣ заключенные могутъ прогуливаться, устраивать разныя игры, читать и заниматься, и въ ней происходятъ засѣданія клуба „Кенгуру". Флайнтъ слѣдующимъ образомъ описываетъ свое первое знакомство съ этимъ клубомъ:

„Я былъ арестованъ за то, что меня нашли спящимъ въ пустомъ вагонѣ. Сторожъ, нашедшій меня, отвелъ меня въ станціонную залу, гдѣ я провелъ довольно печальную ночь, раздумывая о томъ, какое мнѣ будетъ наказаніе. Рано утромъ меня привели къ мѣстному эсквайру, который спросилъ, какъ меня зовутъ.

— Билли Райсъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, а что же вы тутъ дѣлали, Билли?

— Искалъ работы, ваша честь.

— Тридцать дней!—крикнулъ онъ громовымъ голосомъ и меня отвели въ тюрьму. У меня было въ то время три товарища. Послѣ того, какъ мы побывали у шерифа и онъ и его клеркъ записали нашъ большею частью вымышленный разсказъ, насъ отвели въ большую комнату, гдѣ уже находилось много арестантовъ. Насъ окружили въ мгновеніе ока и стали распрашивать, за что и какъ мы тутъ очутились; затѣмъ какой то высокій, тощій бродяга крикнулъ громкимъ голосомъ: „теперь дайте мѣсто „Кенгуру"!

Всѣ сейчасъ-же притихли и заняли свои мѣста. Тогда тощій парень, который, вѣроятно, исполнялъ роль судьи, призвалъ какого-то подростка и объявилъ ему, что онъ долженъ изложить обвиненіе противъ новыхъ пришельцевъ. Молодой арестантъ торжественно подошелъ къ намъ и сказалъ:

„Плѣнники, васъ обвиняютъ въ томъ, что у васъ есть денежки въ карманѣ. Виновны вы или нѣтъ?"

Я былъ первый на очереди и объявилъ, что не виновенъ. Паренъ спросилъ меня, согласенъ-ли я дать себя обыскать? Я отвѣтилъ утвердительно, и онъ тщательно обыскалъ меня, даже всю подкладку моей одежды. Не найдя ничего даже похожаго на монету, онъ объявилъ, что я не виновенъ. Вы свободны —сказалъ онъ мнѣ. Присяжные, засѣдающіе вдоль стѣнъ, подтвердили какимъ-то мычаніемъ это рѣшеніе судьи.

Послѣ меня судили юношу, профессіональнаго бродягу. Онъ объявилъ себя невиновнымъ и позволилъ себя обыскать. Но у него нашли въ карманѣ завалившуюся монету въ десять центовъ, которая и была тотчасъ же конфискована, а ему было объявлено неудовольствіе „Кенгуру“. Третья жертва „Кенгуру“ уже самъ объявилъ себя виновнымъ въ томъ, что у него есть тридцать шесть центовъ. Отъ него взяли половину и отпустили съ миромъ. Послѣдній изъ судившихся оказался самымъ виновнымъ, такъ какъ у него нашли три припрятанныхъ доллара, и ему также было объявлено неудовольствіе суда. Кромѣ того, онъ былъ приговоренъ ежедневно прогуливаться вдоль корридора сто три раза и мыть въ теченіе недѣли всю посуду, употребляемую для обѣда. Когда все судебное разбирательство было закончено, то конфискованныя деньги были сосчитаны и вручены тюремщику съ порученіемъ купить табаку. Спустя нѣсколько часовъ, табакъ былъ доставленъ и поровну раздѣленъ между всѣми арестантами.

На слѣдующій день я, вмѣстѣ съ своими товарищами, былъ уже принятъ въ число членовъ „Кенгуру“, но мы должны были предварительно дать обѣщаніе добросовѣстно выполнять свою долю обязанностей по уборкѣ и чисткѣ посуды и честно, безпристрастно судить въ тѣхъ случаяхъ, которые вызовутъ судебныя разбирательства.

Впослѣдствіи Флайнту пришлось познакомиться въ другихъ тюрмахъ съ клубами подобнаго же рода. Всѣ эти клубы имѣли соціалистическій и въ то

же время автократическій характеръ, заключенные всюду относились къ нимъ съ большимъ почтеніемъ. Замѣчательно также, что и на свободѣ всѣ эти отверженные всюду стремились образовать подобную же ассоціацію и съ особеннымъ чувствомъ всегда говорили о своемъ клубѣ, расхваливая его новичку, еще не поступившему въ число его членовъ. Клубы старыхъ бродягъ не такъ интересны; они есть, по словамъ Флайнта, во всякомъ городѣ. Старики собираются гдѣ-нибудь въ кабачкѣ и, опершись подбородкомъ на свои суковатыя палки, вспоминаютъ между кружками пива или вина своихъ старыхъ товарищей, старыя времена. Иногда они даже высказываютъ политическія сужденія: Флайнтъ слышалъ, какъ они разсуждали о гомрулѣ, восточномъ вопросѣ, фритредерствѣ и т. д.

Стремленіе къ общественности выражается у бродягъ на всѣхъ ступеняхъ и, какъ ни палъ низко человѣкъ, онъ всегда отыскиваетъ другихъ такихъ же отверженныхъ, какъ и онъ самъ, и образуетъ съ ними ассоціаціи. Сознаніе, что онъ членъ какой-нибудь ассоціаціи, возвышаетъ его въ собственныхъ глазахъ.

Настоящій профессіональный бродяга всегда обладаетъ нѣкоторыми спеціальными чертами характера и твердою волею; онъ терпѣливъ и выносливъ, находчивъ и обходителенъ въ обращеніи съ другими. Если у него нѣтъ этихъ качествъ, онъ не будетъ имѣть успѣха въ своей профессіи и будетъ слишкомъ часто сидѣть въ тюрьмѣ. Во всякомъ случаѣ это относится къ американскимъ бродягамъ, которые составляютъ цѣлый отдѣльный классъ въ Соединенныхъ Штатахъ, обладающій собственною іерархіей и управляемый собственными законами. Бродяги другихъ странъ представляютъ нѣсколько иной характеръ, обусловливаемый, конечно, національностью и обстановкой страны. Флайнтъ, пространствовавшій нѣсколько лѣтъ съ американскими бродягами и изучившій ихъ бытъ, заинтересовался вопросомъ, какъ отра-

жаются національныя условія жизни на ихъ характерѣ и бытѣ. Съ этою цѣлью онъ въ другихъ странахъ: въ Германіи, Англіи и даже Россіи, предпринялъ такія же изслѣдованія, т. е. отправился странствовать вмѣстѣ съ другими бродягами и жилъ такою жизнью, какою жили они.

Въ германскомъ бродягѣ не замѣчается той испорченности, которая повидимому, составляетъ неотъемлемую черту характера американскаго бродяги, но зато американецъ гораздо гуманнѣе и великодушнѣе нѣмца. Флайнтъ въ особенности былъ пораженъ ихъ эгоизмомъ и полнымъ отсутствіемъ въ нихъ дружескаго участія къ другимъ. Никогда американскій бродяга не взялъ бы денегъ отъ такого человѣка, который, по его мнѣнію, самъ нуждается въ нихъ. Но подобныя великодушныя соображенія совершенно недоступны нѣмецкому бродягѣ. Даже какъ веселый товарищъ, онъ стоитъ ниже американскаго бродяги, и эти послѣдніе не потерпѣли бы его въ своемъ обществѣ; поэтому то въ Америкѣ бродяги германскаго происхожденія всегда держатся вмѣстѣ и не смѣшиваются съ американцами. Флайнтъ нашелъ значительную разницу между американскими и англійскими бродягами. Число бродягъ въ Англіи несравненно меньшее, чѣмъ въ Америкѣ, при этомъ въ большинствѣ случаевъ у англійскихъ бродягъ умственныя способности бываютъ не въ порядкѣ. Это большею частью вялые, апатичные люди, страдающіе полнымъ отсутствіемъ энергіи, чѣмъ они рѣзко отличаются отъ англійскихъ рабочихъ. Въ большинствѣ случаевъ причину ихъ бѣдственнаго положенія надо искать въ пьянствѣ; 90% англійскихъ бродягъ неисправимые пьяницы. Однако и эти отверженные и павшіе люди не лишены нѣкоторыхъ очень симпатичныхъ чертъ. Они всегда радушно встрѣчаютъ и высказываютъ участіе къ такому же несчастному, какъ они сами; бродяга смѣло можетъ разсчитывать на то, что они окажутъ ему гостепріимство, подѣлятся съ нимъ по-

слѣднимъ кускомъ и примутъ его въ свою среду, кромѣ того, Флайнтъ нашелъ, что англійскіе бродяги очень учтивы; при томъ же ни одинъ изъ нихъ, уважающій себя, не позволитъ себѣ обидѣть или побить болѣе слабаго товарища.

Ограничиваясь пока лишь тѣми данными, которыя были приведены выше, нельзя не придти къ заключенію, что мнѣнія французскихъ и итальянскихъ ученыхъ относительно нравственной природы и вообще характера преступниковъ рѣзко разнятся отъ того, что говоритъ Флайнтъ, изучавшій главнымъ образомъ преступные элементы англосаксонской расы, при томъ какъ на свободѣ, такъ и въ мѣстахъ заключенія; но онъ вовсе не изучалъ быта преступниковъ и бродягъ романской расы, а потому трудно сопоставить его наблюденія съ наблюденіями французскихъ и итальянскихъ изслѣдователей. То глубокое различіе, какое заключается въ томъ, что говорятъ они, съ тѣмъ, на что указываетъ Флайнтъ, можетъ, такимъ образомъ, зависѣть отъ причинъ двоякаго рода. Во-первыхъ, на характерѣ преступниковъ должны были отразиться ихъ расовыя и національныя особенности: какъ извѣстно, англосаксонская раса характеризуется именно стремленіемъ и способностью къ самостоятельнымъ общественнымъ организаціямъ и вообще къ самодѣятельности, чѣмъ легко и объясняются эти тюремные и внѣтюремные клубы преступниковъ и бродягъ. Поэтому, быть можетъ, и романскіе ученые не впали въ ошибку, отрицая въ преступныхъ элементахъ своихъ національностей наличность общежительныхъ инстинктовъ. Но можно полагать, что разногласіе это также, если не больше, зависѣло и отъ того, что романскіе ученые изслѣдователи изучали бытъ заключенныхъ, во-первыхъ, со стороны, а второе,—наблюдая преступниковъ индивидуально, да еще въ качествѣ больныхъ,—большинство этихъ изслѣдователей врачи,—а не въ нормальныхъ условіяхъ ихъ жизни, въ ихъ обычной средѣ и въ здо-

ровомъ состоянiи, т. е. они изучали, сравнительно, немногихъ индивидовъ, а не массы.

Надобно замѣтить, что и Флайнтъ, указывая на то, что между преступниками и бродягами въ высокой степени развитъ духъ товарищества и взаимной поддержки, въ тоже время указываетъ, что по отношенiю къ внѣшнему относительно ихъ мiру, къ мiру, торжествующихъ на жизненномъ пиру людей, они питаютъ враждебное чувство; они борятся всѣми средствами съ этимъ внѣшнимъ мiромъ, которымъ они отвергнуты; въ этой борьбѣ они не признаютъ запретовъ нравственности и считаютъ все дозволеннымъ. Въ этомъ случаѣ Флайнтъ отчасти солидаренъ съ заключенiями ученыхъ антропологовъ.

Итакъ, по мнѣнiю Флайнта, чувство чести и даже довольно высоко развитое и довольно правильно понимаемое существуетъ у преступниковъ, но лишь относительно лицъ, равнымъ имъ по положенiю. Но вообще онъ, повидимому, склоненъ во всѣхъ особенностяхъ характера преступниковъ видѣть причиною болѣе непосредственное влiянiе соцiальныхъ и экономическихъ факторовъ, чѣмъ индивидуальныхъ, органическихъ.

Во всякомъ случаѣ, по изображенiю Флайнта, преступный мiръ на свободѣ является какъ-бы обширной ассоцiацiей, подраздѣляющейся на болѣе тѣсные и незначительные по числу членовъ кружки, поставившiе своего задачею, или, точнѣе, вынужденные къ тому, чтобы бороться съ тѣми, кто является торжествующимъ въ борьбѣ за успѣхъ въ жизни. Борьба этихъ неудачниковъ заключается въ томъ, что, обездоленные и не имѣющiе возможности или не желающiе прiобрѣтать себѣ матерiальныя блага легальнымъ путемъ, они стремятся завладѣть ими путемъ преступленiя.

Такимъ образомъ, чувство чести у этихъ преступныхъ людей, какъ синтезъ ихъ соцiальныхъ инстинктовъ, можетъ быть признано, но съ большой оговоркой, условность его чрезвычайно велика,

такъ какъ они, во всей своей совокупности, представляютъ собою явленіе антисоціальное по отношенію не только къ населенію своего государства, но и по отношенію ко всему человѣчеству, такъ какъ преступленіе *общаго права—уголовное,* являясь дѣяніемъ безнравственнымъ, интернаціально и общеопасно. Самая наличность преступнаго элемента уже показываетъ, что есть тѣ или иныя причины, порождающія въ данный моментъ соціальныя болѣзни, изъ коихъ самая опасная—преступленіе.

Болѣе полное и болѣе обстоятельное изслѣдованіе того, въ чемъ, именно, преступные элементы человѣчества полагаютъ свою честь, помимо огромнаго теоретическаго, т. е. чисто научнаго, интереса имѣетъ неменьшее и практическое значеніе. Со стороны научной, крайне интересно изучить, какимъ образомъ больная или извращенная психика прирожденнаго или привычнаго преступника реагируетъ на тѣ условія соціальной жизни, въ которыхъ онъ находится, и, обратно, въ какой мѣрѣ преступная среда извращаетъ нормальныя этическія понятія человѣка психически вполнѣ здороваго, попавшаго въ нее случайно; результатомъ взаимодѣйствія этихъ двухъ факторовъ: индивидуальной психики и вліянія среды, и является понятіе о чести—синтезъ соціальныхъ инстинктовъ для человѣка данной среды.

Со стороны практической, это изученіе можетъ дать ключъ къ уразумѣнію того, какими средствами возможно бороться съ преступными наклонностями людей, особенно постольку, поскольку эти наклонности являются не прирожденными, а благопріобрѣтенными, благодаря вредному вліянію неблагопріятныхъ соціальныхъ факторовъ на данное лицо. Открывъ путемъ тщательнаго изслѣдованія, въ чемъ заключаются понятія о чести, т. е. общественные идеалы обитателей тюрьмы и каторги, мы тѣмъ самымъ укажемъ, быть можетъ, какимъ путемъ можно этими идеалами управлять, какъ можно ихъ измѣнять, какъ можно съ ними бороться. Словомъ,

это изслѣдованіе, со стороны практической, можетъ дать очень полезныя указанія для тѣхъ, кто призванъ быть воспитателемъ и руководителемъ въ дѣлѣ нравственнаго возрожденія заключенныхъ преступниковъ, а что такое перевоспитаніе и возрожденіе возможно и вполнѣ мыслимо, это утверждаютъ не только одни оптимисты-метафизики, но и люди трезваго положительнаго опыта.

Такъ, говоритъ Эмиль Лоранъ, можно не раздѣлять черезчуръ пылкой вѣры въ благотворное или вредное вліяніе воспитанія, но нельзя отрицать того, что оно играетъ въ жизни выдающуюся роль. Есть на свѣтѣ, конечно, люди съ совершенно извращенной психо-физической организаціей, нравственно-помѣшанные, прирожденные преступники: на нихъ воспитаніе не оказываетъ никакого вліянія, они уже въ моментъ рожденія носятъ въ себѣ всѣ задатки преступныхъ и испорченныхъ натуръ. Но многіе преступники способны подчиняться дѣйствію воспитанія. Даже, по мнѣнію Ломброзо, человѣкъ можетъ *пріобрѣтать* нравственное чувство. Всѣ дѣти пріобрѣтаютъ его, смотря по наклонностямъ, съ большимъ или меньшимъ трудомъ; но нѣтъ ребенка съ врожденнымъ нравственнымъ чувствомъ; это чувство всегда продуктъ воспитанія. Итальянскій писатель подробно выяснилъ, какъ часто встрѣчаются среди дѣтей лгуны, воры, обжоры, натуры жестокія, вспыльчивыя и мстительныя; хорошіе примѣры въ связи со словами увѣщанія, въ крайнемъ случаѣ легкія наказанія—вотъ средства, которыхъ часто совершенно достаточно для того, чтобы привить дѣтямъ хорошія чувства. Нѣкоторыя натуры, глубоко и безнадежно испорченныя, не поддаются дѣйстію этихъ средствъ, а потому или совсѣмъ не исправляются, или, если и исправляются, то лишь въ самой незначительной степени. Но всѣ тѣ, въ чьей душѣ есть хоть какіе-нибудь задатки хорошихъ чувствъ, доступны вліянію воспитанія; хорошее воспитаніе, если оно находитъ для себя въ сердцѣ человѣка маломальски приличную почву, даетъ обильные и прекрасные плоды.

Извѣстно, говоритъ докторъ А. Бордье, что если мозговыя клѣточки подверглись или однократному и очень сильному импульсу, или многократнымъ, однообразнымъ, хотя и не очень сильнымъ импульсамъ, то подъ вліяніемъ одного изъ этихъ двухъ факторовъ устанавливается совершенно своеобразное анатомическое состояніе. При наличности такого состоянія каждый новый импульсъ возвращаетъ мозговыя клѣточки въ то положеніе, въ которомъ они находились во время дѣйствія одного изъ описанныхъ выше факторовъ; съ этого момента клѣточки эти, повидимому, способны только къ одному точно опредѣленному виду движенія къ одной только идеѣ,—именно къ движенію и идеѣ, соотвѣтствующимъ предшествовавшимъ импульсамъ.

Таковъ, говоритъ Копенъ, взглядъ физіологіи на дѣйствіе, которое соціальная среда оказываетъ на свои составныя части. Онъ прибавляетъ къ этому: люди продуктъ окружающей ихъ среды. Различіе между людьми, главнымъ образомъ, обусловлено различіемъ между энергіей сопротивленія и способностью къ ассимиляціи, присущими каждому индивиду въ разной степени. Послѣднее различіе представляетъ собою явленіе совершенно аналогичное съ тѣмъ, съ которымъ мы встрѣчаемся при гипнозѣ: одинъ субъектъ быстрѣе, другой медленнѣе поддается вліянію гипнотизатора.

Докторъ Крокъ говоритъ, что мозгъ человѣка подобенъ мягкому воску, который легко поддается какъ дурнымъ, такъ и добрымъ внушеніямъ, если, впрочемъ, предварительно ему не были внушены же извѣстныя стойкія убѣжденія.

Вильямъ Бутсъ говоритъ по этому поводу: „нашъ опытъ, почти всемірный, доказалъ намъ, что можно не только сдѣлать преступника честнымъ, пьяницу—трезвымъ, развратника—цѣломудреннымъ, но и помочь самымъ отверженнымъ и слабымъ стать снова на ноги“. Такъ говоритъ величайшій филантропъ нашего времени, человѣкъ съ такимъ

обширнымъ опытомъ по части спасанія погибающихъ нравственно и въ матеріальномъ смыслѣ людей, что мнѣніе его нельзя не считать глубоко авторитетнымъ по данному вопросу.

Заключивъ этимъ разработку общихъ положеній нашей темы, перейдемъ затѣмъ къ болѣе подробному изслѣдованію быта нашихъ русскихъ преступниковъ, заключенныхъ по преимуществу.

ГЛАВА II.

Періодъ первый: до эпохи великихъ реформъ.

Переходя къ изслѣдованію, съ интересующей насъ точки зрѣнія, быта нашихъ тюремныхъ сидѣльцевъ, всего удобнѣе быть этотъ разсматривать по извѣстнымъ періодамъ, такъ какъ и онъ съ теченіемъ времени подвергается эволюціи, сообразно развивающейся жизни цѣлаго государства и всего населенія.

Русскіе тюремные нравы особенно рѣзко измѣнились въ теченіе второй половины XIX столѣтія, вслѣдствіе какъ отмѣны крѣпостного права и введенія новыхъ судебныхъ установленій, что измѣнило и самый контингентъ заключенныхъ, такъ и реформы въ тюремномъ устройствѣ, что, въ свою очередь, конечно, не могло остаться безъ вліянія на бытъ заключенныхъ. Насколько можно судить по имѣющимся въ нашей литературѣ матеріаламъ, бытъ и нравы заключенныхъ въ дореформенное время и въ послѣдующій, ближайшій къ намъ періодъ разнятся весьма существенно не только въ главномъ, но и въ частностяхъ.

Въ отличіе отъ прежняго времени, въ позднѣйшій періодъ бытъ и нравы заключенныхъ характеризуются, повидимому, все большимъ и большимъ развитіемъ антисоціальныхъ, эгоистическихъ началъ, въ то время какъ прежде болѣе проявлялись начала общежительнаго и альтруистическаго характера. Изслѣдователи прежнихъ тюремъ прямо

говорятъ о «тюремной общинѣ», о которой почти совершенно уже не упоминаютъ позднѣйшіе писатели.

Въ 1871 г. Ядринцевъ говоритъ про бытъ русскаго острога такъ: «здѣсь среди людей, во многомъ, дѣйствительно, преступныхъ да еще развращенныхъ жизнью среди развращенности и распущенности стараго русскаго острога—въ этомъ пандемоніумѣ приходилось убѣждаться въ общихъ свойствахъ человѣческой природы, видѣть порывы искреннихъ чувствъ доброты и любви къ ближнему. Не говоря уже объ отдѣльныхъ индивидуумахъ, невполнѣ испорченныхъ,—въ самой коллективной жизни острога нельзя было не найти иногда самыхъ симпатичныхъ сторонъ» *).

Достоевскій раньше того выразился еще сильнѣе: «Сколько въ этихъ стѣнахъ погребено молодости! Сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужъ все сказать: вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь, это, быть можетъ, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего!»

Значительно отошелъ отъ такого оптимизма уже г. Мельшинъ въ своихъ извѣстныхъ запискахъ, относящихся къ девяностымъ годамъ, но еще большую противоположность съ приведенными мнѣніями Достоевскаго и Ядринцева мы находимъ въ трудахъ позднѣйшихъ изслѣдователей.

Въ силу цѣлаго ряда причинъ, которыя въ большей подробности будутъ разсмотрѣны позже, нравы заключенныхъ испытали громадную перемѣну: общинные идеалы оказались въ значительной степени потрясенными въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, и эгоистическія начала получили значительное преобладаніе, сравнительно съ прошлымъ.

Г. Мельшинъ обясняетъ это тѣмъ, что „въ теперешнюю каторгу попадаютъ гораздо больше по

*) Н. М. Ядринцевъ. «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ». СПБ. 1872 г., предисловіе. стр. IV.

заслугамъ, чѣмъ въ былыя времена, и потому населеніе нынѣшней каторги въ главныхъ своихъ частяхъ представляетъ подонки народнаго моря, а не самый народъ русскій».

Какъ уже было сказано раньше, во всякой общественной средѣ существуютъ свои практическіе, обиходные идеалы, которые всѣ совмѣщаются въ понятіи о чести; но понятіе это въ разной средѣ и въ разное время мѣняетъ свое содержаніе, и вотъ эволюціей этого понятія намъ и предстоитъ заняться теперь, для чего, изучая вопросъ по періодамъ, неизбѣжно придется описывать, хотя бы и въ самыхъ общихъ чертахъ, и бытъ заключенныхъ, изъ котораго вытекаютъ и съ которымъ находятся въ тѣснѣйшей связи и самые ихъ нравы.

Первый періодъ можно охарактеризовать названіемъ *общиннаго*, такъ какъ въ теченіе этого періода бытъ заключенныхъ, постепенно развиваясь, организуется по типу самостоятельной общины, съ довольно полнымъ развитіемъ отдѣльныхъ ея элементовъ. Такимъ образомъ, въ ней мы находимъ извѣстные прочно установленные обычаи, опредѣляющіе какъ внутреннее ея устройство, такъ и гарантирующіе интересы отдѣльныхъ ея членовъ. Старая тюремная община вполнѣ выработала свое финансовое законодательство, менѣе было выработано уголовное, что же касается области гражданскаго права, то, по причинѣ крайне своеобразнаго понятія заключенныхъ о собственности,—оно не получило замѣтнаго развитія въ острожной средѣ; въ общемъ-же устройство тюремной общины носило на себѣ ясно выраженныя черты вѣчевого порядка.

Благодаря этому, прежняя тюрьма далеко отклонилась отъ того идеала, который представлялся законодателю въ то суровое время.

По описаніямъ изслѣдователей дореформеннаго острога, заключенные въ немъ составляли само-

стоятельныя самоуправляющіяся въ своихъ внутренныхъ дѣлахъ общины; это произошло совершенно помимо офиціальнаго устава, хотя и съ молчаливаго согласія ближайшихъ къ арестантству властей, которыя оказались даже заинтересованными въ поддержаніи существованія общины. Арестантская община слагалась и вырабатывала свои обычаи постепенно въ теченіе весьма продолжительнаго времени, при совокупномъ участіи всѣхъ заключенныхъ, находившихся по всѣмъ острогамъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, при пересылкахъ и побѣгахъ. Во время, ближайшее къ освободительнымъ реформамъ, она вполнѣ развилась въ опредѣленныя законченныя формы.

Изучая труды тѣхъ лицъ, которыя писали о бытѣ арестантовъ того времени, мы прежде всего наталкиваемся на удивительное, на первый взглядъ, разногласіе: съ одной стороны, Максимовъ и Ядринцевъ, а отчасти и Никитинъ положительно устанавливаютъ существованіе арестантской общины, указывая въ подробностяхъ на отдѣльные ея органы и на ихъ функціи, съ другой-же стороны, у Достоевскаго въ его извѣстныхъ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“ совершенно нѣтъ указаній на общинную организацію арестантства, и самые нравы арестантовъ, по его описанію, во многомъ и весьма существенномъ не похожи на тѣ, которые описаны другими изслѣдователями.

Разница эта просто поразительна и, на первый взглядъ, трудно объяснима, но при ближайшемъ анализѣ причины этого разногласія возможно уловить, и онѣ будутъ указаны позже.

Учрежденія создаются людьми; поэтому, чтобы понять духъ и сущность учрежденій, надобно изучить характеры и взгляды людей, создавшихъ эти учрежденія, и мы начнемъ изученіе острожнаго быта съ его населенія.

Конечно, по самой идеѣ своей, остроги должны были быть мѣстомъ заключенія преступниковъ, т. е. людей порочныхъ или, по крайней мѣрѣ, не

обладающихъ въ такой степени окрѣпшими инстинктами общежительности, чтобы противостоять сильнымъ искушеніямъ, побуждающимъ совершать поступки, вредные для отдѣльныхъ лицъ и для всего общественнаго союза. Но въ то глухое время, которое теперь является въ изѣстномъ отношеніи предметомъ нашего изученія, въ то мрачное время торжества произвола и безправія населеніе остроговъ состояло далеко не изъ однихъ дѣйствительныхъ преступниковъ и негодяевъ. Не говоря уже о всѣхъ несовершенствахъ тогдашняго правосудія, по причинѣ которыхъ могли быть сравнительно нерѣдкія судебныя ошибки, а также и прямыя злоупотребленія судебной власти, достаточно сказать, что въ теченіе тридцати восьми лѣтъ передъ освобожденіемъ крестьянъ, число сосланныхъ по суду уступало числу сосланныхъ административнымъ порядкомъ, при чемъ относительно послѣднихъ волѣ помѣщиковъ принадлежало болѣе видное мѣсто *). При томъ произволѣ, который царилъ тогда, при самовластіи тогдашнихъ помѣщиковъ, не было ничего удивительнаго въ томъ, что въ острогъ и ссылку могли попадать не только люди невинные, не даже иногда и самые лучшіе люди, оказавшіеся не въ силахъ приспособиться къ тогдашнимъ условіямъ жизни. Конечно, и эти люди, переросшіе своихъ современниковъ, какъ и тѣ, которые слишкомъ отстали отъ своего времени, естественно находили себѣ мѣсто внѣ гражданскаго общества, жившаго въ условіяхъ, не подходящихъ ни для тѣхъ, ни для другихъ. И тѣ и другіе: и люди, не доросшіе до господствовавшаго порядка, и люди, переросшіе его, нарушали status quo, а потому во имя торжества существующаго порядка, и извергались вонъ изъ гражданскаго общества. Поэтому по условіямъ дореформеннаго быта Достоевскій и Ядринцевъ имѣли извѣстное основаніе

*) Максимовъ. „Сибирь и каторга". ч. II, стр. 299.

высказывать тѣ мнѣнія, которыя были приведены въ началѣ этой главы.

Остроги вмѣщали въ себѣ представителей всѣхъ сословій имперіи; но главную массу ссыльныхъ по абсолютному количеству составляли *) бродяги, бѣглые и выключенные за неспособностью изъ крѣпостныхъ работъ и арестантскихъ ротъ; за ними слѣдовали владѣльческіе крестьяне съ дворовыми людьми, затѣмъ, государственные, удѣльные и другіе казенные крестьяне, потомъ нижніе воинскіе чины, мѣщане, духовенство, дворяне, купцы, люди всѣхъ другихъ свободныхъ состояній и, наконецъ, иностранцы. Изъ Европейской Россіи въ Сибирь было сослано въ теченіе девятнадцати лѣтъ передъ отмѣною крѣпостного права изъ бродягъ и бѣглыхъ 29.333, т. е. 31% всѣхъ сосланныхъ. Бродяги характеризуются, какъ извѣстно, сокрытіемъ своего настоящаго имени и вообще прошлаго. Если-же сопоставить всѣхъ остальныхъ ссыльныхъ по ихъ сословному происхожденію, то окажется, что крестьянъ разныхъ наименованій за указанное время было сослано 75% всего числа ссыльныхъ. Предполагая же, что масса бродягъ, по всей вѣроятности, состояла изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и совокупность тѣхъ ссыльныхъ, чье сословное происхожденіе извѣстно, имѣя также въ виду и то, что громадное большинство нижнихъ воинскихъ чиновъ, въ то время особенно, также было изъ крестьянъ, окажется, что всего въ числѣ ссыльныхъ было, приблизительно, процентовъ 85 крестьянъ **).

Эти цифры показываютъ, что въ острогахъ вообще, а въ сибирскихъ особенно преобладающее вліяніе должно было быть крестьянское. Поэтому вполнѣ понятно, что заключенные выработали свою общественную организацію по типу кресть-

*) Тамъ-же.

**) Расчетъ этотъ сдѣланъ на основаніи таблицы статистическихъ данныхъ, приведенной въ названномъ трудѣ Максимова (тамъ-же).

янской общины. Арестантская община, нося въ себѣ нѣкоторыя черты сходства съ крестьянской, не могла, однако, не отличаться отъ нея во многомъ.

Надобно замѣтить, впрочемъ, что и въ гражданскомъ быту при крѣпостномъ правѣ не было въ наличности особо благопріятныхъ условій для выработки свободнаго общиннаго строя; крестьянская община въ дореформенное время была опредѣленнымъ образомъ организована лишь у государственныхъ крестьянъ.

Разумѣется, арестанты, какъ не имѣющіе общаго владѣнія—земли, должны были организоваться во многомъ иначе, чѣмъ крестьяне; арестанты, отдѣленные въ стѣнахъ своихъ остроговъ отъ внѣшняго міра и имѣя свои особыя потребности и нужды, развили общинныя учрежденія во многихъ отношеніяхъ совершенно самобытно.

Крестьянскій элементъ внесъ по преимуществу внѣшнюю форму арестантской организаціи, но самый духъ арестантскихъ учрежденій былъ созданъ совершенно инымъ элементомъ, и этимъ элементомъ послужило бродяжество, которое, по составу своему, также не было чуждо крестьянскому сословію.

Бродяжество представляетъ собою весьма крупное явленіе въ нашей жизни, интересное не только съ точки зрѣнія тюрьмовѣдѣнія. Изслѣдователи нашего бродяжества видятъ въ немъ фактъ, искони присущій русской жизни, въ связи съ ея историческими особенностями.

«Какъ въ древней, такъ и въ новой Руси,—говоритъ Ядринцевъ,—побѣгъ и бродяжество были единственнымъ протестомъ личности противъ стѣснявшихъ ее всякаго рода обстоятельствъ. Тяжело-ли было русскому человѣку отъ крѣпостного права, давилъ-ли его воевода, брали-ли его въ войско, начинали-ли записывать въ податной подушный окладъ, запрещали-ли исповѣдывать старую вѣру, накладывали-ли тяжелую подать, го-

лодъ-ли приходилъ, бѣдность-ли душила, семья-ли одолѣвала,—онъ дѣлалъ одно—бѣжалъ и бѣжалъ».

Мы теперь разсматриваемъ явленіе бродяжества съ болѣе узкой точки зрѣнія: мы разсматриваемъ бродяжество, какъ элементъ тюремной жизни, но, конечно, не можемъ игнорировать и того, что было только что сказано, т. е. что бродягами у насъ дѣлались не одни безнравственные и преступные люди, но также и многіе изъ тѣхъ, кто не смогъ ужиться подъ гнетомъ невыносимо сложившихся обстоятельствъ и бѣжалъ, скрывая свое настоящее имя и званіе, имѣя при неудачѣ всѣ шансы сдѣлаться острожнымъ сидѣльцемъ; бродяжество бѣглыхъ арестантовъ есть лишь частный видъ бродяжества вообще.

Число бродягъ, блуждавшихъ по Сибири, Ядринцевъ для того времени, которое онъ описывалъ, предположительно опредѣляетъ въ 20—30.000.

Намъ предстоитъ нѣсколько остановиться на характеристикѣ бродягъ въ виду того, что они оказали чрезвычайно сильное вліяніе на выработку арестантскихъ нравовъ, обычаевъ и формъ общежитія.

Разсматривая бродяжество съ этой точки зрѣнія, надобно сказать, что въ дореформенное время побѣгъ арестантовъ изъ остроговъ и съ каторжныхъ работъ былъ дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Бѣжали по самымъ разнообразнымъ причинамъ: отъ страха предстоящаго жестокаго тѣлеснаго наказанія, подъ вліяніемъ тоски по родинѣ, которая чрезвычайно сильно проявлялась у сосланныхъ въ Сибирь изъ Европ. Россіи; но, конечно, самымъ частымъ и самымъ сильнымъ побужденіемъ къ побѣгамъ бывало то естественное стремленіе человѣка къ свободѣ и та ненависть и отвращеніе, которую испытываетъ заключенный къ своей тюрьмѣ. Бѣжали и по-одиночкѣ, и по-двое и цѣлыми партіями «на уру». Бѣжали, рискуя всѣмъ и, прежде всего, жизнью. Жизнь бѣглаго бродяги была сплошнымъ и тяжелымъ страданіемъ за весьма

рѣдкими исключеніями, но всегда находилось довольно людей, готовыхъ заплатить страданіями и самой жизнью даже за призракъ свободы. Подвергаясь на каждомъ шагу опасности быть задержанными и снова водворенными въ острогъ, послѣ жестокаго наказанія плетьми или шпицрутенами, блуждая голодными по тайгѣ, питаясь ягодами и травами, рискуя подвернуться подъ пулю бурята или сибирскаго крестьянина, погибая массами при переправѣ черезъ Байкалъ или при путешествіи вокругъ него, бродили по Сибири бѣглые съ каторги и съ поселенія, направляя свой путь къ западу. Въ своихъ скитаніяхъ они научились взаимной поддержкѣ, они выработали въ себѣ духъ товарищества, и постояннымъ обычаемъ установили «настоящіе законы бродяжества».

Бродяга, блуждающій по тайгѣ или въ пустынной степи, принужденный бояться каждой встрѣчи, не долженъ былъ опасаться своего-же собрата—бродяги, такъ какъ въ противномъ случаѣ самый фактъ бродяжества сдѣлался бы немыслимымъ. Но искушеніе часто бываетъ такъ велико, когда, напр., двое голодныхъ идутъ въ глухой тайгѣ и когда запасовъ у нихъ столько, что на двоихъ мало, а на одного хватило бы хорошо; нужда зачастую достигаетъ крайняго напряженія, и дѣло идетъ, вѣдь, о жизни и смерти и о томъ, что дороже всего, о свободѣ. Поэтому-то и постановилъ бродяжескій обычай, что бродяга за убійство бродяги же карается смертью по приговору бродяжескаго судилища.

Бродяга долженъ быть спокоенъ, что никогда онъ въ острогѣ и собирается бѣжать, ни когда онъ въ бѣгахъ, ни когда онъ пойманный снова водворенъ въ острогъ,—товарищи его не выдадутъ и не предадутъ его тайны начальству. Если бы не было этой увѣренности, то немыслимъ былъ бы и самый фактъ бродяжества и побѣга. По этому-то неизмѣннымъ обычаемъ установлено было, что нѣтъ гнуснѣе приступленія для бродяги противъ

своихъ, какъ шпіонство и предательство. Во имя общаго блага и на страхъ слабымъ людямъ, шпіоны и предатели, по обычаю бродягъ, караются смертью, какъ и убійцы своихъ. Менѣе сурово, но однакоже и не легко, наказывались бродягами другія посягательства на справедливые интересы своихъ собратьевъ: строгое наказаніе ожидало бродягу за насиліе надъ любовницей или женою другого бродяги, и это было вполнѣ послѣдовательно, такъ какъ во время бродяжества много совершалось убійствъ изъ-за обладанія женщинами, которыя, конечно, бывали въ рѣдкость при подобныхъ обстоятельствахъ, и представляли собою желанную добычу для каждаго. Понятіе о собственности вообще постепенно атрофировалось у бродягъ, какъ у людей почти вовсе не имѣющихъ собственности и лишенныхъ возможности правильно трудиться. Вынужденные сами жить нищенствомъ, мошенничествомъ и воровствомъ, а иногда и болѣе тяжкими преступленіями: грабежами и разбоемъ, бродяги легко утратили сознаніе различія между „твоимъ и моимъ", и изслѣдователи бродяжескаго быта не указываютъ, чтобы бродяги преслѣдовали воровство и между своими.

Органомъ бродяжескаго правосудія была сходка, на сходкѣ же рѣшались и всякіе иные вопросы, имѣющіе общественое значеніе. Бродяги, въ силу того понятнаго соображенія, что легче найти пропитаніе одному, двоимъ, чѣмъ единовременно цѣлой партіи, обыкновенно, ходили враздробь; но когда было надо, когда возникалъ какой-либо вопросъ, имѣющій общественное значеніе, то бродяги сходились вмѣстѣ. Судебный процессъ въ бродяжескомъ судѣ былъ кратокъ и рѣшенія его, разъ постановленныя, выполнялись неотвратимо, будучи передаваемы изъ устъ въ уста, въ случаѣ побѣга осужденнаго. Бродяжество отлично понимало, что общій интересъ требуетъ неумолимаго исполненія приговоровъ, и случалось, что они на сотни верстъ преслѣдовали своего преступника.

Законы бродяжества, какъ обычаи, создавались временемъ и преемственнымъ соблюденіемъ; трудно было бы установить отдѣльные моменты этого законодательства.

Подводя итогъ всему сказанному о бродягахъ приходится заключить, что бытъ и общественная организація ихъ носили на себѣ опредѣленныя черты общиннаго устройства и, точнѣе сказать, вѣчевого порядка: во главѣ всего стояла общая сходка, при чемъ не было выработано опредѣленныхъ формъ подачи голосовъ при обсужденіи разныхъ вопросовъ.

Бродяги постоянно имѣли самое тѣсное соприкосновеніе съ острогами, то сидя въ нихъ, то убѣгая и снова будучи заключаемы туда въ случаѣ поимки, или возвращаясь туда добровольно съ наступленіемъ осеннихъ и зимнихъ холодовъ, затрудняющихъ пребываніе въ бѣгахъ. Будучи въ острогахъ своими людьми и составляя тамъ классъ постоянныхъ, хотя бы и періодическихъ, сидѣльцевъ, они, по истинѣ, могли считать себя „почетными гражданами острога“, законными дѣтьми и хозяевами его, а будучи во время своей скитальческой жизни въ большинствѣ случаевъ знакомы другъ съ другомъ лично, или по наслышкѣ, и связанные общими интересами и дѣлами, они составили собою прочное ядро острожнаго населенія—сплоченную корпорацію бродягъ.

По словамъ Ядринцева, *) бродяги составляли собою большую часть населенія сибирскихъ остроговъ; но если принять во вниманіе приведенныя выше цифры, то можно думать, что это не всегда такъ бывало. Было уже указано, что число бродягъ и бѣглыхъ, сосланныхъ изъ Европ. Россіи въ Сибирь, въ теченіе извѣстнаго періода времени, составляло лишь 31% общаго числа ссыльныхъ за то-же время. Конечно, это отношеніе неизбѣжно должно было измѣниться въ пользу бродягъ въ

*) Ядринцевъ, тамъ-же, стр. 415.

самой Сибири, гдѣ и пребывала главная ихъ масса, однакоже трудно думать, чтобы во всѣхъ острогахъ, даже лишь Сибири, было бы, именно, такъ, какъ указываетъ Ядринцевъ, т. е. чтобы бродягъ всегда было въ острогахъ больше, чѣмъ прочихъ арестантовъ. Къ такому заключенію, опровергающему мнѣніе Ядринцева, неизбѣжно приходишь при разсмотрѣніи учрежденій арестантской общины, въ которой бродяги составляли привилегированный классъ, аристократію, живущую главнымъ образомъ на средства остальной подчиненной массы. При такихъ условіяхъ ихъ едва-ли могло быть большинство; скорѣе, надобно думать, что въ острогахъ ихъ бывало тѣсно связанное взаимной поддержкой и захватившее въ свои руки власть меньшинство.

Итакъ, бродяжество выработало свое вѣчесходку, свой судъ, свои, впрочемъ весьма несложные, карательные обычаи. Всѣ обычаи бродяжества всецѣло были перенесены въ острожную общину, но подверглись тамъ еще нѣкоторымъ дополненіямъ и незначительнымъ измѣненіямъ, сообразно съ особенностями острожной жизни.

То, что, именно, бродяжество послужило краеугольнымъ камнемъ острожной организаціи, это доказывается тѣмъ, что если бы не было бродяжества, т. е. побѣговъ, то не было бы и причинъ къ столь суровому преслѣдованію шпіонства между заключенными, также не къ чему было бы установливать и особое наказаніе за убійство своего-же, такъ какъ при острожной жизни это можно было бы предоставить власти начальства, а между тѣмъ убившіе своего товарища въ бѣгахъ или шпіоны зачастую подвергались за это возмездію отъ арестантовъ, уже находясь въ острогѣ.

Основательность этого предположенія доказывается также и тѣмъ фактомъ, что, по словамъ Достоевскаго, въ описываемомъ имъ острогѣ свободно процвѣтали доносы и шпіонство, равнымъ образомъ тамъ не было никакой общественной организаціи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ его записокъ не

видно, чтобы тамъ находились бродяги, повидимому, ихъ тамъ вовсе не было, какъ не было и побѣговъ: за все время одна неудачная попытка!

Совершенно иное мы находимъ въ трудахъ Максимова и Ядринцева, гдѣ описываются остроги, въ которыхъ преобладающую роль играли бродяги. Естественно поэтому напрашивается выводъ, что бродяги явились элементомъ творящимъ острожный обычай и установившимъ извѣстный порядокъ въ острожной средѣ, порядокъ, которымъ вполнѣ охранялись всѣ важнѣйшіе интересы какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлой общины. Разыскивая причины этого явленія, приходилось бы предположить, что на долю бродягъ лишь потому выпала такая счастливая роль, что они, такъ или иначе, но прикоснулись къ свободной жизни, хотя и нелегально, хотя и урывками для каждаго въ отдѣльности; лишь жизнь на свободѣ заставила ихъ позаботиться о выработкѣ извѣстныхъ охраняющихъ интересы личности и цѣлой корпораціи мѣропріятій. Острогъ Достоевскаго, лишеный бродяжескаго элемента и прочно отрѣзанный отъ свободной жизни, былъ настоящій „Мертвый Домъ“, каковыми не были остроги, описанные Максимовымъ и Ядринцевымъ. Потому-то „Мертвый Домъ“ и не далъ ничего похожаго на свободную общественную организацію, потому то и нравы заключенныхъ въ немъ, исключая конечно ту ничтожную по числу группу, къ которой принадлежалъ и самъ Достоевскій,—были въ высшей степени развращены, и больше всего они были развращены самимъ острогомъ.

Бродяги, какъ было сказано, составляли въ острогахъ „аристократію“, держались другъ за друга, оказывали поддержку одинъ другому и бдительно охраняли свои освященныя преданіями преимущества. Они гордились принадлежностью къ своей корпораціи и находясь въ острогахъ, даже были склонны надменно и презрительно обращаться съ остальнымъ арестантствомъ. А это остальное аре-

стантство состояло, кромѣ людей, вновь поступившихъ въ остроги, также и изъ всѣхъ тѣхъ, которые, будучи заключены и раньше, не попали въ острожную аристократію.

Вновь поступившіе въ остроги подвергались извѣстнымъ притѣсненіямъ со стороны своихъ прежде заключенныхъ товарищей, особенно же при этомъ старались выманить у нихъ тѣмъ или инымъ путемъ деньги, если таковыя имѣлись. Спустя нѣкоторое, непредолжительное время, смотря по характеру и свойствамъ испытуемаго, если онъ успѣвалъ уже приспособиться къ новой средѣ, отказавшись отъ личнаго самолюбія и самостоятельности, то его принимали въ товарищество и научали всѣмъ необходимымъ для арестанта познаніямъ по части умѣнія обходить и обманывать тюремное начальство.

Изъ массы острожнаго плебса выдѣлялся еще классъ самый низшій, классъ *жигановъ*, острожнаго пролетаріата; это совершенно разорившіеся игроки, проигравшіе рѣшительно все, даже казенный хлѣбъ и порціи щей, а также и тѣ, которые ради грошевой подачки готовы были служить и дѣйствительно служили шутами острожныхъ капиталистовъ.

Переходя отъ описанія острожнаго населенія къ острожнымъ учрежденіямъ, мы видимъ что они были слѣдующія:

Во главѣ арестантской общины стояла арестантская сходка. По словамъ Ядринцева, бродяги имѣли въ острогѣ свою особую сходку, всѣ прочіе арестанты также свою особую,—власть сходки была смѣшанная: административная, судебная и законодательная. Затѣмъ, былъ избиравшійся арестантами староста, который, по отношенію къ общинѣ, представлялъ собою власть исполнительную, по преимуществу хозяйственную, онъ являлся, кромѣ того, офиціальнымъ представителемъ арестантства въ сношеніяхъ съ начальствомъ острога; при старостѣ полагался также выборный писарь. Староста могъ быть во всякое время смѣненъ арестантами,

и староста и писарь: равно какъ и другіе арестанты, исполнявшіе разныя хозяйственныя обязанности хлѣбопеки, кашевары, водовозы и проч. получали отъ общины денежное вознагражденіе.

Для этой цѣли арестантская община имѣла свою кассу, пополнявшуюся изъ разныхъ источниковъ доходовъ. Такъ, вновь вступавшіе въ острогъ заключенные обязаны были взносомъ установленной весьма древнимъ обычаемъ суммы—„влазное"; взносы были разграничены по сословіямъ, къ которымъ принадлежали до поступленія въ острогъ арестанты: самый большой взносъ былъ для купцовъ и дворянъ 2—3 руб. наименьшій для бродягъ—30 к., такъ, по мнѣнію Ядринцева, а Максимовъ говоритъ, что бродяги вносили всего по 3 к. Общественная касса пополнялась и изъ собираемыхъ арестантами подаяній, но главнымъ образомъ деньгами, поступавшими отъ откупщиковъ такъ называемыхъ *майдановъ*, т. е. игорныхъ, питейныхъ и закусочныхъ заведеній для арестантовъ, содержащихся въ острогахъ, конечно, тайно отъ начальства. Въ старый острогъ былъ постоянный приливъ денегъ извнѣ, благодаря хорошо организованному изготовленію и сбыту фальшивой монеты, а также подложныхъ видовъ на жительство и разныхъ офиціальныхъ якобы печатей.

Деньги изъ общественной кассы расходовались на разныя арестантскія нужды, какъ-то на подкупъ въ потребныхъ и подходящихъ случаяхъ должностныхъ лицъ, на подкупъ и постоянныя субсидіи палачу, на пособія выходившимъ изъ остроговъ арестантамъ, на вознагражденіе арестантовъ, несущихъ особыя обязанности въ острогѣ и т. п.

Особаго вниманія заслуживаетъ организація майдановъ, въ которыхъ бродяги пользовались всегда кредитомъ до полутора рубля; кредитъ этотъ выходилъ фактически гораздо большимъ, да въ сущности это даже и не былъ кредитъ, такъ какъ при ежемѣсячномъ окончаніи срока откупа майданщика происходилъ такъ наз. „лахманъ долгамъ",

т. е. всѣ непополненные долги бродягъ прощались. Кромѣ того, замѣчательны были обычаи, относящіеся къ майданамъ, въ томъ отношеніи, что, напр., въ игорномъ майданѣ, гдѣ бродяги имѣли тотъ-же кредитъ, никто не долженъ былъ быть обыгрываемъ до-чиста, но въ случаѣ проигрыша. при окончаніи игры, получалъ обратно $^1/_3$ проиграннаго; если же играли между собою одни бродяги, то возврату подлежала половина проигрыша. По мнѣнію Максимова, этотъ обычай могъ въ такой же степени вызываться желаніемъ предотвратить ссоры и недоразумѣнія, какъ и опасеніемъ совершеннаго прекращенія игры, за переходомъ всѣхъ денегъ въ однѣ руки.

При такомъ устройствѣ майдановъ, при чрезвычайныхъ привилегіяхъ бродягъ, при существованіи для нихъ «лахмана долгамъ», очевидно, что ростовщичеству въ старомъ острогѣ были поставлены весьма серьезныя препятствія, однако оно, не будучи очень развито, все-же существовало.

Кстати сказать, хотя Достоевскій въ своихъ «Запискахъ» и говоритъ о майданахъ, но въ описываемомъ имъ острогѣ не было откуповъ, а существовала вольная продажа вина и всего остальнoго всѣми желающими; словомъ, и въ этомъ случаѣ проявилось полное отсутствіе общественной организаціи.

Уже самыя чрезвычайныя преимущества бродягъ, въ видѣ ихъ права на даровое, въ сущности, пользованіе майданами, неизбѣжно ложась бременемъ на массу остального арестанства, съ котораго майданщики должны были извлекать свои выгоды и пополнять убытки, причиненные бродягами, —доказываютъ, что едва ли бродягъ могло быть большинство въ острогахъ. Если бы ихъ было, дѣйствительно, большинство, то едва ли могли бы существовать подобныя привилегіи. Что же касается того, какимъ образомъ, если вышеприведенное соображеніе вѣрно, меньшинство

могло подчинить себѣ и эксплуатировать большинство, то это представляется явленіемъ вполнѣ обыкновеннымъ и не въ одной арестантской средѣ. Въ данномъ случаѣ, въ пользу бродягъ могло послужить и то, что они, во 1-хъ, пользовались въ арестантской средѣ обаяніемъ, какъ люди смѣлые, рѣшительные, уже сумѣвшіе извѣдать той свободы, къ которой такъ стремится всякій заключенный, во 2-хъ, они были сплочены въ очень солидарную корпорацію, и, въ 3-хъ, наконецъ, пользуясь репутаціей людей готовыхъ на все, они иной разъ не прочь бывали и запугивать представителей неопытной и робкой острожной демократіи, не останавливаясь для этого и передъ угрозой ножомъ. Такимъ-то образомъ и случилось, что арестантская община явилась установленіемъ, гдѣ власть принадлежала главнымъ образомъ бродягамъ.

По описанію Ядринцева, жизнь въ сибирскихъ острогахъ представляла собою рядъ непрерывныхъ развлеченій и увеселеній, которыя изобрѣтали для себя арестанты, что было вполнѣ естественно въ виду необходимости чѣмъ-нибудь разсѣять себя, заставить себя хотя на время забыть и лишеніе свободы и все, что было покинуто за стѣнами тюрьмы, и свое безотрадное будущее. Карточная игра и азартныя игры вообще процвѣтали въ острогѣ, при чемъ шуллерство было явленіемъ вполнѣ терпимымъ и обыкновеннымъ. Въ этомъ опять выразилось то легкое отношеніе арестантовъ къ чужой собственности, которое воспитывалось въ нихъ отчасти ихъ преступнымъ прошлымъ, а того больше ихъ жизнью въ мѣстахъ заключенія, гдѣ они уже совершенно утрачивали со временемъ понятіе о собственности. Воровство въ острогахъ прежняго времени было самымъ обыкновеннымъ, нормальнымъ явленіемъ, а воровство бродягами у майданщиковъ даже и не порицалось.

Наряду съ азартными играми было развито и пьянство, несмотря на строгое запрещеніе начальствомъ того и другого. Въ душной, въ букваль-

номъ и переносномъ смыслѣ, атмосферѣ остроговъ, при отсутствіи живыхъ интересовъ, при страшной тоскѣ арестантскаго существованія, при отсутствіи иного труда, кромѣ каторжнаго, т. е. труда принудительнаго, не связаннаго съ личнымъ интересомъ, а потому для заключенныхъ отвратительнаго, при отсутствіи заботы объ ихъ умственномъ и нравственномъ развитіи—пьянство и азартныя игры являлись фактомъ естественнымъ и неизбѣжнымъ: природа человѣка требуетъ, чтобы нервная энергія его разряжалось какимъ-бы то ни было способомъ; способовъ такихъ для человѣка, живущаго свободной жизнью, чрезвычайно много; но чѣмъ болѣе суживается свобода личности, тѣмъ ограниченнѣе дѣлается выборъ средствъ, которыми человѣкъ располагаетъ для того, чтобы нейтрализовать избытокъ своей нервной энергіи, и въ четырехъ стѣнахъ прежняго острога для этой цѣли оставались лишь вино, карты, сплетни и интриги, до которыхъ арестанты были превеликіе охотники. Само собою разумѣется, что этого рода развлеченія вовсе не благопріятствовали ни умственному, ни нравственному развитію заключенныхъ. Надобно замѣтить, что хотя деньги въ острогѣ имѣли чрезвычайное значеніе, тѣмъ не менѣе не столько, быть можетъ, самая корысть вовлекала арестантовъ въ игру, сколько желаніе поволноваться, испытать извѣстныя острыя ощущенія, которыя были тѣмъ сильнѣе, что игра была строжайше воспрещена и изобличенные въ ней жестоко наказывались.

Изнывая отъ тоски своего острожнаго существованія, арестанты изобрѣтали и разныя другія игры уже не ради корысти, а ради забавы только; игры эти отличались грубостью и жестокостью, и особенное удовольствіе для арестантовъ заключалось въ томъ, чтобы видѣть униженіе или страданіе другого человѣка; за ничтожное вознагражденіе всегда находились охотники быть такими шутами. Однимъ изъ пріятнѣйшихъ острожныхъ

развлеченій было ухаживаніе за женщинами, что бывало особенно возможно при прежнихъ порядкахъ въ тѣхъ острогахъ, гдѣ имѣлись и женскія отдѣленія. Ухаживаніе это и вообще острожная любовь не всегда, однако, носила пошлый и циничный характеръ, но изрѣдка являлась чувствомъ и сильнымъ, и облагораживающимъ.

Весьма распространеннымъ занятіемъ въ острогѣ была торговля, при чемъ торговали рѣшительно всѣмъ, начиная съ обносковъ казеннаго платья и кончая мѣстами на нарахъ; занимались въ ограниченныхъ размѣрахъ ремеслами, но всѣму предпочитали производство фальшивой монеты.

Изъ числа особенностей, порождаемыхъ острожной жизнью, нельзя не указать на развитіе среди арестантства противоестественныхъ пороковъ.

Острожная община, какъ уже было сказано въ началѣ этой главы, пользовалась молчаливымъ сочувствіемъ ближайшаго тюремнаго начальства, что проистекало изъ того, что начальству этому гораздо легче было имѣть дѣло съ нею, чѣмъ съ разъединенной арестантской массой. Арестантство само управлялось въ своей внутренней жизни и, желая сохранить свои вольности, было заинтересовано въ охраненіи въ своей средѣ добраго порядка, чтобы, по возможности, избѣжать вторженія начальства въ свою внутреннюю жизнь, что и достигалось вполнѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ, къ обоюдному удовольствію. Для тюремнаго начальства выгоды острожной общины заключались въ томъ, что, благодаря ей, удалось само собою установить круговую поруку заключенныхъ всѣхъ за каждаго, что безгранично облегчало задачу тюремныхъ властей. На этой то почвѣ и создалось понятіе о *честномъ варнацкомъ словѣ*. Заключалось оно въ томъ, что если арестанты давали какое-либо обѣщаніе своему начальству, закрѣпляя это честнымъ варнацкимъ словомъ, то такое обѣщаніе всегда свято выполнялось.

Арестанты сами были заинтересованы въ томъ,

чтобы имъ довѣряли, такъ какъ этимъ путемъ они покупали себѣ извѣстныя вольности и льготы; ихъ-же собственная выгода побуждала ихъ быть честными. Впрочемъ и всегда, если посмотрѣть глубже, понятіе о чести коренится первоначально въ желаніи соблюсти свою выгоду или доброе имя корпораціи, интересы членовъ которой взаимно связаны. Но такъ какъ психическая природа человѣка устроена такимъ образомъ, что, начиная что-нибудь дѣлать съ яснымъ сознаніемъ мотивовъ своихъ поступковъ, человѣкъ потомъ готовъ повторять эти дѣйствія уже въ силу одной привычки и традиціи, при чемъ, по удачному выраженію Гефдинга, воспоминаніе о мотивѣ опускается подъ порогъ сознанія. Такимъ-то путемъ и варнацкое честное слово, первоначально являвшееся какъ бы закрѣпленіемъ договора, основаннаго на взаимной выгодѣ, сдѣлалось послѣ краеугольнымъ камнемъ острожнаго понятія о чести.

Честное варнацкое слово давалось зачастую арестантской партіей начальнику конвоя въ пути, когда испрашивалось снятіе кандаловъ или иная какая-нибудь льгота, при чемъ арестантство ручалось, что бѣглыхъ не будетъ. Начальство было заинтересовано въ томъ, чтобы арестанты не покушались на побѣги, тѣмъ болѣе, что охранять отъ этого партію внѣшними средствами бывало довольно затруднительно при слабомъ малочисленномъ конвоѣ изъ инвалидовъ; иной разъ начальники имѣли и другія болѣе корыстныя причины ладить съ арестантами; арестантамъ также бывали необходимы извѣстныя уступки, такъ какъ при соблюденіи всѣхъ строгостей, требовавшихся тогдашними уставами, существованіе арестантовъ сдѣлалось бы совершенно невыносимымъ.

Повторяемъ, что всегда такъ бываетъ: сначала возникаютъ обязательства, основанныя на взаимной выгодѣ и закрѣпляемыя извѣстной словесной формулой, затѣмъ, съ теченіемъ времени, при постоянномъ повтореніи подобнаго рода случаевъ,

эта словесная формула можетъ символизировать непоколебимость извѣстныхъ рѣшеній, при чемъ хотя первоначально съ нею находились въ прямой связи и опредѣленныя личныя выгоды, но потомъ оказывается такъ, что ради отвлеченной формулы, ради сказаннаго слова человѣкъ дѣлается въ состояніи жертвовать самыми насущными своими интересами. Таково происхожденіе понятія о чести.

И, конечно, это надобно считать великимъ прогрессомъ съ соціальной точки зрѣнія, такъ какъ съ того времени только и возможно прочное развитіе общественности, когда существуетъ чувство взаимнаго довѣрія у людей, когда уже выработалось понятіе о чести, когда на слово человѣка можно положиться.

Во имя этого случались и такія дѣла: арестантская партія иной разъ на честное варнацкое слово шла враздробь, въ сущности безъ охраны, заходя за подаяніемъ въ попутныя селенія, и побѣговъ не было. Бывали рѣдкіе случаи, когда кто нибудь изъ партіи, предпочитая всему на свѣтѣ личную выгоду и презирая данное слово, бѣжалъ при такихъ условіяхъ. Тогда сами же его товарищи дѣлали все, чтобы разыскать и вернуть бѣжавшаго, и изловивъ сами же наказывали его за нарушеніе даннаго слова. У изслѣдователей стараго арестантскаго быта мы находимъ цѣлый рядъ подобныхъ примѣровъ.

Для этого, какъ видно, необходима извѣстная общественная организація, корпоративное устройство, а гдѣ этого нѣтъ, тамъ не развивается ни чувство чести, ни другія отвлеченныя понятія, коренящіяся своимъ происхожденіемъ на основѣ общественной пользы, все это замѣняется торжествомъ эгоистическихъ стремленій; общественное мнѣніе не только презирается, но оно даже и не существуетъ въ истинномъ смыслѣ этого выраженія, и при разрозненности и противорѣчіи интересовъ отдѣльныхъ лицъ уже не существуетъ ни довѣрія, ни чести, ни любви, ни справедливо-

сти. Разъ честное варнацкое слово сдѣлалось для арестантовъ формулой, связывающей произнесшаго ее, то оно стало употребляться не только въ общественныхъ дѣлахъ, но и въ личныхъ. Итакъ, если заключенные создали свои учрежденія—общину, то, въ свою очередь, и учрежденія не остались безъ вліянія на своихъ творцовъ: не было бы общины—не было бы и честнаго варнацкаго слова.

Достоевскій ни разу не упоминаетъ о честномъ варнацкомъ словѣ, что, въ связи съ сказаннымъ нами раньше, объясняется тѣмъ, что въ томъ острогѣ не было корпоративнаго устройства. Только одинъ разъ онъ упоминаетъ, что арестанты дали обѣщаніе держать себя хорошо во время театральнаго представленія и, понимая свою выгоду, обѣщаніе свое сдержали.

Въ острожномъ быту выработалось свое особое понятіе о личномъ достоинствѣ, свое особое честолюбіе, которое, съ нашей точки зрѣнія, можетъ быть названо лишь тщеславіемъ и тщеславіемъ самаго низкаго сорта. Въ острогѣ было непринято говорить о своихъ преступленіяхъ, но обычай этотъ весьма охотно нарушался, при чемъ заключенные очень любили прихвастнуть своими преступленіями. Самое требованіе не говорить о своемъ преступномъ прошломъ вызывалось, скорѣе, не мотивами нравственнаго характера, не смутно сознаннымъ чувствомъ раскаянія, а просто тою мыслью, что въ обществѣ равныхъ не прилично хвастовство: желательно было показать хвастуну, что нечѣмъ величаться, такъ какъ и каждый изъ слушателей дѣлалъ дѣла ничѣмъ не хуже.

Въ средѣ заключенныхъ особеннымъ авторитетомъ пользовались тяжкіе и закоренѣлые преступники и презирались люди болѣе мягкіе, попавшіе въ заключеніе за сравнительно незначительныя преступленія.

Изъ этого видно, что подборъ людей, сходныхъ по ихъ нравственнымъ воззрѣніямъ и притомъ

озлобленныхъ какъ прежней жизнью неудачниковъ, такъ и постоянно раздражаемыхъ и угнетаемыхъ заключеніемъ и всякими страданіями, не могъ не давать отрицательныхъ результатовъ въ смыслѣ нравственномъ, такъ какъ, съ одной стороны, эти люди, уже въ силу понесеннаго ими наказанія, являлись врагами гражданскаго общества, преслѣдовавшаго ихъ и лишившаго свободы,—своей вины они, повидимому, почти не сознавали,—а сверхъ того, и тѣ примѣры крайняго озлобленія и нравственной порчи, какіе въ изобиліи попадались въ острогахъ, довершали перевоспитаніе даже и наименѣе испорченныхъ, и наиболѣе добродушныхъ. Впрочемъ, въ дореформенномъ острогѣ нравы не могли достигнуть крайней степени развращенія, благодаря наличности элементовъ, въ сущности, непреступныхъ и попавшихъ въ заключеніе лишь по несовершенству тогдашней юстиціи и административныхъ властей.

Можетъ быть, такимъ-то лучшимъ элементамъ и обязаны были остроги своей общинной организаціей, въ основѣ которой все-же были заложены сѣмена справедливости и альтруизма: неприкосновенность своего собрата, помощь выходящимъ изъ острога, облегченіе участи осужденныхъ, вознагражденіе трудящихся, рѣшеніе дѣлъ сообща и т. п. Это предположеніе доказывается тѣмъ, что въ самой тяжелой каторгѣ, на р. Карѣ, куда ссылали наиболѣе опасныхъ и закоренѣлыхъ преступниковъ, всякое понятіе о нравственности настолько утрачивалось, что бродяга-каринецъ являлся не болѣе какъ хищнымъ звѣремъ, онъ путешествовалъ одинъ съ ножемъ въ рукавѣ, и встрѣча съ нимъ бывала одинаково опасна для каждаго, не исключая и своего брата-бродяги. Такимъ образомъ всѣ общежительные инстинкты, выработанные въ нормальной острожной жизни, совершенно не прививались къ этимъ уже безвозвратно испорченнымъ людямъ, и въ лицѣ ихъ человѣкъ изъ существа, предназначеннаго къ жизни среди другихъ на

основѣ взаимности одолженій и выгодъ, превращался въ нелюдимаго хищника, въ существо, дѣйствительно, антисоціальное и общеопасное. По наблюденіямъ естествоиспытателей, подобныя явленія замѣчаются и среди живущихъ общественной жизнью животныхъ; такъ, натуралисты разсказываютъ о слонахъ-пустынникахъ, которые, будучи изгнанными изъ своей среды за жестокій нравъ, странствуютъ послѣ одни и нападаютъ на всѣхъ, не исключая и слоновъ, своихъ бывшихъ собратій.

Таковы были нравы въ дореформенныхъ острогахъ, таковы были выработанные въ нихъ идеалы. Идеалы эти лучше всего воплощались въ герояхъ каторги, т. е. въ тѣхъ изъ числа заключенныхъ, которые пользовались наибольшимъ уваженіемъ среди своихъ. Люди эти, какъ напримѣръ извѣстный въ свое время разбойникъ и бродяга Кореневъ, отличались, помимо физической силы, чрезвычайно развитымъ духомъ товарищества, твердымъ характеромъ, выносливостью и неустрашимостью; они бывали, сверхъ того, и жестоки, хотя надобно сознаться, что жестокими ихъ дѣлала, можетъ быть, борьба съ преслѣдовавшимъ и гнавшимъ ихъ обществомъ, которое, защищая себя, также мало стѣснялось въ средствахъ въ то суровое время. Такимъ образомъ жестокость однихъ влекла за собою озлобленность и ожесточеніе другихъ.

Въ предшествующемъ изложеніи были попутно указаны уже тѣ отдѣльные факторы, которые вліяли на развитіе острожныхъ понятій о чести; теперь-же, подводя итоги сказанному, добавимъ, что нравы стараго русскаго острога, не взирая на тѣ положительныя черты, какія были отмѣчены его изслѣдователями, о чемъ уже говорилось нами выше, все-же, какъ того, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, отличались крайней грубостью; арестанты были въ высшей степени тщеславны и легкомысленны, вмѣстѣ съ тѣмъ угрюмы, завистливы, хвастливы, религіозное чувство у самыхъ развращенныхъ совершенно утрачивалось. Въ острогахъ постоянно

раздавалась самая ужасная брань, угрозы, оскорбленія, на которыя, впрочемъ, мало обращалось вниманія тѣми, противъ кого все это было направлено. Самое понятіе о чести хотя существовало, но выражалось главнымъ образомъ лишь въ томъ, что считалось обязательнымъ держать данное честное варнацкое слово; но и то нигдѣ не говорится у изслѣдователей стараго арестантскаго быта, что-бы не сдержавшій этого слова, даннаго лично за себя, подвергался бы общественному порицанію; другое дѣло, если это слово было выраженіемъ круговой поруки цѣлой общины передъ начальствомъ; тогда тотъ, кто нарушалъ обѣщаніе, подвергался со стороны товарищей наказанію болѣе или менѣе жестокому. Независимо отъ этого, понятіе о чести, въ видѣ извѣстныхъ правилъ жизни и поведенія, существовало въ нѣкоторомъ смыслѣ: такъ, ни одинъ бродяга или вообще уважающій себя арестантъ не соглашался быть шутомъ для забавы тѣхъ арестантовъ-капиталистовъ, которые платили за это; жиганы, шедшіе на это, презирались. Общественному презрѣнію подвергался выборный староста, жертвовавшій арестантскими интересами ради угожденія начальству; его смѣняли и иногда жестоко наказывали жгутами. Вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не считалось недозволеннымъ, если староста обиралъ въ свою пользу артель и растрачивалъ общественныя деньги. Самымъ отверженнымъ дѣяніемъ считалось шпіонство, за которое, по однимъ свѣдѣніямъ, убивали, а по другимъ, предварительно примѣняли болѣе легкія мѣры общественнаго порицанія и лишь при неисправимости отравляли. Однако, въ острогѣ, описанномъ Достоевскимъ, шпіонство было въ обычаѣ и никѣмъ явно не осуждалось, со шпіонами даже старались ладить, боясь ихъ. Типичнѣе всего для тюремнаго быта была утрата понятія о собственности.

Въ старомъ острогѣ встрѣчались и такіе люди, которыхъ, съ современной намъ точки зрѣнія, слѣдовало бы отнести къ разряду нравственно-помѣшанныхъ, прирожденныхъ преступниковъ, но гораздо болѣе было тѣхъ, которые являлись жертвой неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Нормальныя этическія понятія подвергались въ острогѣ, какъ было показано выше, сильному видоизмѣненію, и если извѣстная прикладная мораль все-же тамъ была, то можно думать, что проводниками ея были бродяги, выработавшіе свои воззрѣнія въ блужданіяхъ на свободѣ. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, лишь соприкосновеніе со свободной жизнью могло оказать морализующее вліяніе на жизнь стараго острога; въ тѣхъ случаяхъ, когда не было ни малѣйшаго доступа къ свободѣ, тогда и нравы заключенныхъ совершенно разлагались, получался „Мертвый Домъ“.

Заканчивая этимъ описаніе быта и нравовъ стараго русскаго острога, мы въ слѣдующей главѣ прослѣдимъ, какимъ образомъ то и другой измѣнилось въ пореформенное ближайшее къ намъ время, а затѣмъ попытаемся указать тѣ средства, путемъ примѣненія которыхъ было бы, по нашему мнѣнію, возможно улучшить тюремные нравы и тѣмъ самымъ повысить ихъ показатель—понятіе о чести.

ГЛАВА III.

Періодъ второй—пореформенный.

Переходя къ описанію быта и нравовъ заключенныхъ въ ближайшій къ намъ, пореформенный, періодъ, скажемъ прежде всего, что вопросу этому особенно посчастливилось въ послѣднее время. Такъ мы находимъ цѣлый рядъ относящихся къ нему работъ, изъ которыхъ нѣкоторыя являются весьма цѣнными по своему содержанію. Не говоря уже объ отдѣльныхъ небольшихъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, имѣются цѣлыя обширныя

изслѣдованія о бытѣ заключенныхъ. Такое богатство литературы по этому предмету объясняется тѣмъ, что, во 1-хъ, онъ представляетъ собою величайшій общественный интересъ, въ силу самыхъ разнообразныхъ соображеній, хотя-бы частью и потому, что, по русской пословицѣ, отъ сумы и отъ тюрьмы не приходится зарекаться никому, сверхъ того, собираніе относящагося къ нему сырого матеріала не требуетъ специальной подготовки и доступно для каждаго наблюдательнаго человѣка, котораго обстоятельства поставятъ въ тѣсное соприкосновеніе съ заключенными. Особенную важность слѣдуетъ придавать запискамъ и наблюденіямъ тѣхъ лицъ, которыхъ судьба привела самихъ въ тюрьму и которыя поэтому могли въ совершенной полнотѣ изучать тюремную жизнь. Изъ числа многихъ авторовъ, писавшихъ въ пореформенный періодъ о бытѣ заключенныхъ, въ хронологическомъ порядкѣ ихъ работъ, слѣдуетъ отмѣтить гг. Никитина, Линева, Мельшина, Свирскаго, Чехова, Миролюбова, Дорошевича и Фаресова.

Изъ того, что мы находимъ у этихъ авторовъ и у другихъ, разсыпавшихъ свои статьи и замѣтки по журналамъ и газетамъ, эволюція тюремной жизни за періодъ времени, начиная съ освобожденія крестьянъ и до нашихъ дней, вырисовывается достаточно ярко. Дореформенный періодъ мы охарактеризовали названіемъ *общиннаго* по господствующему строю тюремнаго быта. Какъ было показано въ предыдущей главѣ, этотъ типъ арестантской организаціи былъ для того времени повсемѣстнымъ: мы знаемъ лишь одно исключеніе —это „Мертвый Домъ“, описанный Достоевскимъ, другихъ указаній въ литературѣ мы не встрѣчаемъ. Пореформенный періодъ, въ противоположность предыдущему, характеризуется быстрымъ распаденіемъ острожной общины. Подобно тому, какъ это бываетъ и относительно другихъ болѣе крупныхъ явленій общественной жизни, и острожная община не сразу пришла къ распаденію, но прежде,

чѣмъ распасться окончательно, она сначала выродилась въ уродливыя формы, противорѣчившія самой ея сущности. Прежде, въ дореформенный періодъ, правильная жизнь общины обусловливалась извѣстнымъ равновѣсіемъ, надлежащимъ соотношеніемъ между отдѣльными ея элементами: между ея аристократіей—„бродягами“ и остальной массой арестантства—острожнымъ плебсомъ. Но уже тогда въ организаціи общины можно было легко отмѣтить тѣ черты ея, которыя, въ случаѣ своего односторонняго развитія, могли бы угрожать самой ея прочности, нарушивъ то политическое равновѣсіе, при которомъ она только и могла существовать въ истинномъ своемъ видѣ, какъ институтъ, выработанный жизнью для общественнаго блага. Пока все было въ равновѣсіи, можно было мириться съ извѣстными и немаловажными привиллегіями бродягъ тѣмъ болѣе, что здѣсь эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлой корпораціи не проявлялся съ чрезмѣрной рѣзкостью; въ прежней острожной общинѣ ясно чувствовалось сознаніе солидарности арестантскихъ интересовъ, и даже самыя привиллегіи бродяжества носили характеръ справедливаго возданія за то, чѣмъ оно послужило для общины.

Старая арестантская община характеризовалась, по свидѣтельству лицъ, ея изучавшихъ, наличностью въ основѣ ея альтруистическихъ началъ. Въ періодъ пореформенный община пережила глубокій и рѣзкій кризисъ. Дальше будетъ показано, какъ измѣнился составъ заключенныхъ послѣ освободительныхъ реформъ; теперь же лишь скажемъ, что вырожденіе общины шло чрезвычайно быстро и повлекло къ тому, что былое равновѣсіе въ отношеніяхъ между острожной аристократіей и плебсомъ нарушилось кореннымъ образомъ. Въ прежнее время бродяжество, какъ уже было сказано, являлось краеугольнымъ камнемъ, ядромъ острожной организаціи. Въ теченіе продолжительнаго періода времени, подъ вліяніемъ условій, мало измѣ-

нявшихся, острожный быть, развиваясь медленно и постепенно, наконецъ отлился въ законченныя и установившіяся формы; приливъ заключенныхъ соотвѣтствовалъ постоянной убыли ихъ, и, такимъ образомъ, равновѣсіе не нарушалось; процентное отношеніе между различными категоріями заключенныхъ, какъ по роду преступныхъ дѣяній, такъ и по сословному происхожденію, оставалось, надобно думать, почти постояннымъ для извѣстнаго періода, при неизмѣнномъ дѣйствіи тѣхъ причинъ, въ силу которыхъ извѣстныя категоріи людей извергались изъ гражданскаго общества въ остроги.

Но вотъ великія освободительныя реформы разомъ и въ самыхъ существенныхъ отношеніяхъ измѣнили эти производящія причины, и, очевидно, тюремный быть также долженъ былъ измѣниться, хотя и не тотчасъ, но все-же весьма рѣзко; не тотчасъ потому, что должно же было пройти нѣкоторое время прежде, чѣмъ контингентъ осужденныхъ при прежнихъ порядкахъ, уменьшаясь вслѣдствіе естественной убыли, оказался поглощеннымъ приливомъ новыхъ заключенныхъ, попавшихъ въ тюрьмы уже на новыхъ основаніяхъ, ничего общаго не имѣющихъ съ прежними.

Отмѣна крѣпостного права, судебная реформа, а также и тѣ существенныя измѣненія въ самомъ тюремномъ устройствѣ, какія послѣдовали со времени освобожденія крестьянъ и до нашихъ дней,— все это не могло не оказать своего вліянія. Разумѣется, самымъ рѣшительнымъ было вліяніе отмѣны крѣпостнаго права, на второмъ—стоитъ судебная реформа. Все это разомъ и рѣзко измѣнило на послѣдующее время контингентъ заключенныхъ, не столько по ихъ сословному происхожденію, сколько по тѣмъ основаніямъ, которыя приводили ихъ въ мѣста заключенія.

Въ отношеніи сословномъ контингентъ заключенныхъ попрежнему состоялъ, состоитъ и донынѣ преимущественно изъ крестьянъ, что, конечно, объясняется не большей испорченностью этого сосло-

вія, но лишь тѣмъ, что къ нему, какъ извѣстно, принадлежитъ около 86 проц. населенія нашего отечества. Въ 1899 г. по внутреннимъ губерніямъ и Сибири въ числѣ всѣхъ осужденныхъ было крестьянъ 75 проц *). Необходимо имѣть въ виду, что въ наше время принадлежность къ крестьянскому сословію еще далеко не выражаетъ того, что она обозначала въ дореформенный періодъ. Въ то время слово крестьянинъ почти всегда было равнозначуще понятію—земледѣлецъ, сельскій обыватель. Но въ наши дни, благодаря глубокой и сложной экономической эволюціи, извѣстная и при томъ немалая часть крестьянъ обратилась отъ земледѣлія къ работамъ на фабрикахъ. Этимъ и объясняется, что въ томъ же 1899 году изъ общаго числа осужденныхъ было лишь 45 проц. занимавшихся сельско-хозяйственнымъ трудомъ: 75 проц. крестьянъ и 45 проц. земледѣльцевъ; конечно, въ числѣ лицъ второй категоріи заключаются не одни крестьяне. Такимъ образомъ, крестьянъ — земледѣльцевъ въ числѣ осужденныхъ окажется еще менѣе 45 проц.

Отсюда неизбѣжный выводъ, что далеко не каждый крестьянинъ занимается земледѣліемъ и является дѣйствительнымъ членомъ сельскохозяйственной общины; тѣ, которые постоянно работаютъ на фабрикахъ, находятся въ совершенно иныхъ условіяхъ жизни, чѣмъ крестьяне-земледѣльцы. Фабричные рабочіе отвыкаютъ отъ общиннаго строя и тѣхъ воззрѣній, которыя въ своей совокупности составляютъ обычное право крестьянъ.

Итакъ, даже допуская, что общинные идеалы прочны въ земледѣльческой части нашего крестьянства, и тогда все-же окажется значительное число крестьянъ по происхожденію, болѣе или менѣе отщепившихся отъ сельской общины. Но, сверхъ того, какъ свидѣтельствуютъ многочисленные факты, подтвержденные многими изслѣдователями, и

---

*) Сводъ статистич. свѣдѣній по дѣламъ угол., производившимся въ 1899 г.» изд. Мин-ства Юстиц. 1902 г.

въ главной массѣ земледѣльческаго крестьянства общинные идеалы сильно поколебались; существуютъ даже мнѣнія, что крестьянская община грозитъ окончательнымъ распаденіемъ.

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать причины этого весьма важнаго явленія; мы довольствуемся лишь утвержденіемъ, что, во 1-хъ, въ наши дни имѣется многочисленный разрядъ крестьянъ, которые, оставивъ сельскій трудъ, одновременно съ этимъ порвали и всѣ наиболѣе существенныя свои связи съ крестьянской общиной, и, во 2-хъ, что и въ остальной главной массѣ крестьянскаго населенія уже ясно проявились новыя стремленія, направленныя, такъ сказать, центробѣжно, въ сторону индивидуализма, прочь отъ крестьянскаго общиннаго строя.

Изъ сказаннаго станетъ понятнымъ, что и въ современномъ тюремномъ быту, гдѣ крестьянъ должно быть, приблизительно, какъ было показано, процентовъ 75, а лицъ, занимавшихся, сельскимъ хозяйствомъ около 45 проц., прежнія общинныя тенденціи, коренившіяся въ общинномъ строѣ крестьянства внѣ тюрьмы,—подверглись быстрому вымиранію. На самомъ дѣлѣ, изучая труды лицъ, описывавшихъ быть заключенныхъ въ пореформенный періодъ, нельзя не замѣтить, что чѣмъ позже сдѣланы наблюденія, тѣмъ менѣе и менѣе встрѣчается указаній на элементы общиннаго устройства. Въ этомъ отношеніи особенно интересны записки г. Мельшина, который, не довольствуясь описаніемъ того, что онъ наблюдалъ самъ непосредственно, дѣлаетъ нѣкоторыя отступленія въ сторону описанія предшествовавшихъ порядковъ нашихъ тюремъ и каторги. „Новый духъ, говоритъ онъ, проникающій въ тюремный міръ, производитъ общее разложеніе старинныхъ арестантскихъ обычаевъ и нравовъ“.

Въ предыдущей главѣ указывалось, что творцами тюремныхъ обычаевъ были бродяги, и вотъ этому то бродяжеству, какъ самому вліятельному элементу тюремнаго населенія, и былъ нанесенъ

тяжкій ударъ, главнымъ образомъ, сахалинской ссылкой. Объ этомъ говоритъ г. Мельшинъ, указаніе на это же мы находимъ и у професс. Таганцева *). „За послѣдніе годы съ введеніемъ ссылки на Сахалинъ, число бродягъ стало замѣтно уменьшаться... въ 1895 г. число сосланныхъ бродягъ съ тысячи уменьшилось до 401, а за послѣдніе два года не превышало 300 человѣкъ“.

Итакъ въ изучаемый нами теперь періодъ времени эволюція тюремнаго быта выразилась въ томъ, что въ тюрьмы стали попадать, *по общему правилу*, лишь по суду, совершенно отпала многочисленная категорія заключенныхъ и сосланныхъ по произволу помѣщичьей власти, какъ то было при крѣпостномъ правѣ. Усовершенствованное правосудіе, во 1-хъ, даетъ, сравнительно, ничтожный процентъ судебныхъ ошибокъ, наконецъ, посредствомъ суда совѣсти, суда присяжныхъ, гдѣ онъ находитъ себѣ примѣненіе, достигаютъ того, что оказывается возможнымъ примирять отвлеченную правду закона съ требованіями справедливости и съ безконечнымъ разнообразіемъ жизненныхъ случаевъ. Несмотря на все это, и нынѣ, хотя въ количествѣ гораздо меньшемъ, чѣмъ прежде, мы находимъ въ тюрьмахъ и каторгѣ людей нравственно неиспорченныхъ, сдѣлавшихся жертвою независѣвшихъ отъ нихъ обстоятельствъ.

Въ современныхъ мѣстахъ заключенія крестьяне-землелѣльцы, крестьяне-общинники уже не составляютъ ту главную сплоченную массу тюремнаго населенія, какъ въ прежнее время; утратили свое значеніе и бродяги, которые, уменьшаясь съ каждымъ годомъ въ числѣ, начинаютъ сосредоточиваться на Сахалинѣ. Все это повело къ кореннымъ измѣненіямъ во внутренней тюремной жизни. И теперь, подобно тому, какъ было и въ дореформенный періодъ, арестанты, помимо всякихъ офиціаль-

---

*) Таганцевъ «Русское угол. право», лекціи, изд. 1902 г. II стр. 998 и 1025.

ныхъ уставовъ, распались на категоріи, но уже на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ то было раньше. Прежде категоріи эти, какъ уже говорилось, были слѣдующія: арестантская аристократія — бродяги, арестантскій плебсъ и арестантскій пролетаріатъ— жиганы. Въ пореформенное время г. Мельшинъ говоритъ о бродягахъ и „Иванахъ" и, въ противоположность имъ, объ арестантскомъ плебсѣ, именующемъ себя иронически „кобылкой" или „шпанкой". Въ началѣ своихъ записокъ г. Мельшинъ указываетъ, что бродяги сдѣлались совершеннымъ бичомъ арестантскихъ партій: люди крайне испорченные и тѣсно сплоченные между собою, они совершенно поработили безотвѣтную „шпанку", и въ своихъ отношеніяхъ къ ней они совершенно игнорировали всякую нравственность. Добившись мѣстъ старостъ, поваровъ, хлѣбопековъ и т. п., они обирали и обворовывали несчастную шпанку; будучи лазаретными служителями, бродяги обворовывали больныхъ и даже, когда это бывало имъ выгодно, прямо отправляли послѣднихъ на тотъ свѣтъ. Усмотрѣвъ, что у кого-нибудь изъ „кобылки" есть деньги, они среди бѣла дня грабили; они насиловали женъ на глазахъ ихъ мужей, а при протестѣ со стороны послѣднихъ избивали ихъ до полусмерти. Занимая себѣ всегда мѣста на нарахъ, бродяги заставляли „шпанку" ложиться подъ нары и такъ далѣе...

Невольный ужасъ испытываешь, читая обо всемъ этомъ, и прямо поражаешься разницей этого съ тѣмъ, о чемъ писали изслѣдователи дореформеннаго острога, когда нравы заключенныхъ, очевидно, были гораздо мягче и человѣчнѣе. Вотъ здѣсь-то мы и присутствуемъ при вырожденіи острожной общины. то ограниченное преобладаніе аристократіи—бродяжества, которое проявлялось и въ старомъ острогѣ, выродилось теперь въ ничѣмъ неограниченное эгоистическое самовластіе; былая острожная аристократія выродилась, и вмѣсто правомѣрной жизни острожной общины воцарился

произволъ разбойничьей шайки. Острожная община приблизилась къ распаденію, и весьма скоро, хотя, быть можетъ, и не повсемѣстно еще, она, даже и въ своемъ послѣднемъ уродливомъ видѣ, перестала существовать. Г. Мельшинъ, описывая бытъ каторжнаго острога, устроеннаго на новыхъ началахъ, говоритъ, что, благодаря суровому режиму, бдительному надзору начальства, не было въ немъ общинной организаціи заключенныхъ, ни сплоченной корпораціи бродягъ; въ то же время тамъ проявлялись признаки шпіонства и наушничества.

Тому-же способствовало и постановленіе обязательно снимать со ссыльно-каторжныхъ фотографическія карточки, которыя и подшивать къ статейнымъ спискамъ. Такимъ то образомъ и были подрѣзаны крылья бродяжеству, не говоря уже о вліяніи усовершенствованныхъ способовъ передвиженія арестантскихъ партій моремъ и по желѣзнымъ дорогамъ, вмѣсто прежняго пѣшаго препровожденія черезъ всю Сибирь. Сверхъ того, составъ заключенныхъ, уже по самому существу своему, измѣнился весьма значительно съ введеніемъ новаго суда. Конечно, и теперь возможны судебныя ошибки, но лишь какъ исключеніе; конечно, и нынѣ существуютъ такія преступныя дѣянія, которыя имѣютъ лишь условное значеніе. Бываютъ и такія дѣянія, которыя, будучи тяжкими, по причиняемому ими непосредственному вреду, совершаемыя въ порывѣ страсти, вовсе не доказываютъ нравственной порчи человѣка. Впрочемъ, тамъ, гдѣ дѣйствуетъ судъ присяжныхъ, нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ бываютъ и полныя оправданія.

Итакъ, составъ заключенныхъ въ пореформенное время измѣнился въ самыхъ существенныхъ чертахъ, что отразилось и на самой жизни и обычаяхъ острога. Если сравнивать то, что писали Достоевскій, Ядринцевъ и Максимовъ о бытѣ нашихъ заключенныхъ съ тѣмъ, что мы находимъ у позднѣйшихъ писателей, то станетъ очевиднымъ

что нравы тюрьмы и каторги сильно пали, несмотря на усовершенствованный сравнительно съ прошлымъ современный тюремный режимъ. У современныхъ изслѣдователей русской тюрьмы и каторги мы уже не встрѣчаемъ тѣхъ восторженныхъ отзывовъ, какія, напр., мы привели въ началѣ предыдущей главы изъ Достоевскаго и Ядринцева.

Но и теперь не все окутано непроницаемымъ мракомъ, и г. Чеховъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ *), въ объясненіе этого на первый взглядъ утѣшительнаго явленія приводитъ слѣдующее неутѣшительное мнѣніе одного изъ сибирскихъ тюремныхъ дѣятелей: „если, въ концѣ концовъ, изъ 100 каторжныхъ выходитъ 15—20 порядочныхъ, то этимъ мы обязаны не столько исправительнымъ мѣрамъ, которыя мы употребляемъ, сколько нашимъ русскимъ судамъ, присылающимъ на каторгу такъ много хорошаго, надежнаго элемента“.

Уже говорилось о томъ, что, конечно, не всѣ преступники передъ закономъ вмѣстѣ съ тѣмъ и люди порочной нравственности, наконецъ, какъ рѣдкое, правда, исключеніе, должны встрѣчаться и невинно-осужденные, послѣдніе, къ счастью, настолько рѣдки въ наше время, что, напр., Мельшинъ говоритъ слѣдующее **): „существуютъ-ли все-таки въ каторгѣ невинные—жертвы несчастныхъ недоразумѣній или судебныхъ ошибокъ? Теоретически говоря, несомнѣнно существуютъ, хотя мнѣ лично и не удавалось встрѣчать такихъ, въ невинности которыхъ я съ увѣренностью могъ бы поручиться“.

Возвращаясь къ выясненію того, что-же послужило причиною вырожденія, а затѣмъ и полнаго распаденія острожной общины, слѣдуетъ предположить, что это могло произойти, какъ оттого, что большинство нынѣшнихъ заключенныхъ уже

*) «Островъ Сахалинъ»—стр. 349.

**) Мельшинъ «Въ мірѣ отверженныхъ»—т. 1, стр. 262.

не приносятъ съ воли склонности и привычки къ общинной жизни, такъ и оттого, что теперь, взамѣнъ прежнихъ „несчастныхъ", но зачастую вполнѣ честныхъ людей, въ остроги въ громадномъ большинствѣ поступаютъ люди испорченной нравственности, склонные руководствоваться въ своей дѣятельности побужденіями лишь узко-эгоистическими. При такихъ условіяхъ едва-ли возможна сколько-нибудь правильная общественная организація, предполагающая сознаніе взаимности интересовъ и готовность поступаться своимъ эгоизмомъ ради общественнаго блага. Въ современной острожной средѣ уже нѣтъ мѣста прежней тюремной общинѣ, про которую столько хорошаго сказалъ Ядринцевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторыхъ частностяхъ нравы какъ-будто и усовершенствовались. Такъ, г. Мельшинъ разсказываетъ, что хотя общественное достояніе въ видѣ артельнаго имущества, провіанта, мяса и т. п. и считается дозволеннымъ объектомъ расхищенія различныхъ старостъ, хлѣбопековъ: „въ старосты на поправку идутъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ кража арестантомъ у арестанта считается позорной. Мельшинъ приводитъ такое разсужденіе одного арестанта *).

„Самымъ послѣднимъ человѣкомъ тотъ считается у насъ, кто у своего же воруетъ табакъ тамъ, али сахаръ. И помни ежели поймаютъ вора въ тюрьмѣ, до смерти заколотятъ! Я самъ всю жизнь воромъ былъ, чего таиться? первой степени подлецъ и разбойникъ былъ, ну, а въ тюрьмѣ, тутъ я честный человѣкъ"....

Въ этомъ заключается уже нѣчто новое, такъ какъ въ старомъ русскомъ острогѣ процвѣтало повальное воровство. Съ другой стороны, у Чехова и Дорошевича мы находимъ указанія, что въ каторжныхъ тюрьмахъ острова Сахалина воровство — явленіе самое обычное.

„Кражи здѣсь обычны и похожи на промыселъ.

---

*) Тамъ же стр. 63.

Арестанты набрасываются на все, что плохо лежитъ, съ упорствомъ и жадностью голодной саранчи, и при этомъ отдаютъ преимущество съѣстному и одеждѣ. Воруютъ они въ тюрьмѣ другъ у друга, у поселенцевъ, на работахъ, во время нагрузки пароходовъ, и при этомъ по виртуозной ловкости, съ какою совершаются кражи, можно судить, какъ часто приходится упражняться здѣшнимъ ворамъ" *).

Дорошевичъ разсказываетъ, что изъ боязни покражи многіе арестанты не рѣшаются снимать одежду на ночь и спятъ одѣтыми, а другіе кладутъ все свое имущество подъ голову, а подъ рукою имѣютъ на всякій случай ножъ для защиты своего достоянія.

Стараясь найти объясненіе этому странному противорѣчію между тѣмъ, что, съ одной стороны, мы находимъ у Мельшина, а съ другой стороны, у Чехова и Дорошевича, приходится отнести это на счетъ того, что на Сахалинъ ссылаются наиболѣе тяжкіе преступники и, сверхъ того, тамъ средоточіе современнаго бродяжества, у котораго какъ было указано выше, совершенно отсутствуетъ понятіе о собственности. Надобно замѣтить, что и Свирскій, описывающій по преимуществу бытъ пересыльныхъ тюремъ Европейской Россіи „каламажень", какъ ихъ называютъ арестанты, также говоритъ, что, по арестантской этикѣ, ничто не можетъ такъ опозорить арестанта, какъ обвиненіе въ кражѣ у своего же. Это является подтвержденіемъ приведеннаго выше объясненія особенностей сахалинскихъ нравовъ.

Помимо этого, бытъ арестантовъ въ мѣстахъ заключенія разныхъ типовъ различается настолько существенно, что даже самое подраздѣленіе заключенныхъ на категоріи совершенно не сходно.

Въ каторжной тюрьмѣ, описанной Мельшинымъ, благодаря постоянному вмѣшательству въ жизнь

*) Чеховъ, Сахалинъ, стр. 350.

заключенныхъ начальства, всѣ они были сведены въ извѣстномъ смыслѣ къ единообразію, и тамъ не было преобладающаго вліянія одной группы заключенныхъ надъ другими.

По словамъ Дорошевича, въ недавнее время, когда, кромѣ морского пути, еще существовали доставки каторжныхъ партій на Сахалинъ и пѣшимъ способомъ черезъ Кару, каторжники Сахалина подраздѣляли себя на „круглоболотинцевъ“ или „галетниковъ“ и „каринцевъ, или „терпигорцевъ“. Названіе „галетникъ“ было слегка презрительно, тогда какъ „каринцы“ пользовались нѣкоторымъ почетомъ и уваженіемъ каторги, какъ люди многоопытные и видѣвшіе не мало горя, за что ихъ называли „терпигорцами“. По словамъ этого автора, сибирскій каторжникъ вообще въ почетѣ у сахалинскихъ, такъ какъ въ Сибири каторга крѣпче держится другъ за друга, тамъ есть выработанные обычаи, твердые и ненарушимые, есть и товарищество, чего вовсе нѣтъ на Сахалинѣ.

Независимо отъ этого, каторжные на Сахалинѣ подраздѣляются на четыре слѣдующихъ класса: ивановъ, храповъ, игроковъ и шпанку, которую Дорошевичъ характеризуетъ словомъ „несчастная“.

Эти классы, говоритъ онъ, аристократія и демократія каторги, ея правящіе классы и подчиненная масса, патриціи, плебеи и рабы *).

Свирскій, описывая пересыльная тюрьмы, устанавливаетъ совершенно иныя категоріи **). Онъ говоритъ, что заключенные подраздѣляютъ себя слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, люди, впервые попавшіе въ тюрьму, новички называются „брусами,“ изъ которыхъ тѣ, которые, выйдя на свободу, больше въ тюрьму не возвращаются. т. е. люди нравственно неиспорченные, носятъ названіе „брусовъ лягавыхъ“, а тѣ, которые, попавши

*) «Сахалинъ», ч. 1, стр. 270.

**) «Міръ Тюремный», стр. 3.

въ тюрьму за кражу въ первый разъ, скоро поддаются вліянію среды и уже въ тюрьмѣ начинаютъ выказывать склонность къ криминальнымъ похожденіямъ, называются „брусами шпановыми." И тѣ и другіе не имѣютъ никакого значенія въ арестантской средѣ, и имъ живется въ тюрьмѣ всѣхъ тяжелѣе, такъ какъ они, особенно „брусы лягавые," являются предметомъ постоянной забавы для обычныхъ тюремныхъ сидѣльцевъ „фартовиковъ." „Фартовые ребята" или „фартовики" также раздѣляются на разряды, ихъ три: 1) „жиганы"—каторжники и бродяги, 2) „шпана"—воры, и 3) „счастливцы"—мошенники и шулера. „Жиганы", въ свою очередь, распадаются на слѣдующія категоріи: а) „орлы"—бѣглые съ каторги, б) „пустынники" — непомнящіе родства и в) „монахи"—ссыльные на Сахалинѣ. „Шпана" раздѣляется на восемь классовъ: а) „дергачи"—грабители, б) „сцѣпщики— конокрады, в) „маровихеры"—карманщики, г) „скокари"—совершающіе кражи посредствомъ взлома, д) „шкифера"—ночные воры, е) „мойщики" —обворовывающіе спящихъ, ж) „ципера"—ворующіе въ переднихъ носильное платье и з) „халамидники"—базарные жулики. „Счастливцы" подраздѣляются еще на шесть видовъ: „чистяковъ"—мошенники, дѣйствующіе въ болѣе или менѣе приличной обстановкѣ и въ хорошемъ платьѣ; „мельники"—шулера, „блатеръ-каины"—скупщики краденнаго; „давальщики"—дающіе работу ворамъ, служащіе для послѣднихъ развѣдчиками; „понтщики," разными скандалами собирающіе толпу, чтобы создать обстановку для карманщиковъ; наконецъ „пайщики," шантажирующіе воровъ угрозою доноса.

Изъ этого видно, что классы заключенныхъ въ пересыльныхъ тюрьмахъ Европейской Россіи несравненно богаче и разнообразнѣе, чѣмъ въ каторгѣ; это очень легко объясняется тѣмъ, что въ тюрьмахъ первой категоріи встрѣчаются всевозможные виды преступниковъ, тогда какъ въ ка-

торгѣ имѣются лишь нѣкоторые разряды наиболѣе тяжкихъ преступниковъ. Кромѣ того, бросается въ глаза и то, что категоріи, указанныя Свирскимъ, подраздѣляются не столько по своему отношенію къ тюрьмѣ, сколько по ихъ преступнымъ профессіямъ на свободѣ, которыя ихъ привели въ заключеніе. Это преступное прошлое имѣетъ рѣшающее вліяніе на положеніе заключеннаго въ средѣ другихъ, хотя, какъ указываетъ Свирскій, это положеніе, пожалуй, менѣе зависитъ отъ принадлежности къ той или иной категоріи, чѣмъ отъ силы своихъ кулаковъ. Каторжники и бродяги пользуются потому преимущественнымъ вліяніемъ, что тѣ изъ заключенныхъ, которые разсчитываютъ въ свое время угодить въ Сибирь понимаютъ что имъ невыгодно ссориться съ людьми, въ среду которыхъ имъ предстоитъ попасть. Въ свою очередь, бродяги и каторжники, понимая, въ чемъ заключается тайна ихъ обаянія, оказываютъ другъ другу взаимную поддержку. Уваженіе къ нимъ можетъ имѣть и другое основаніе: именно, арестанты, восторгаясь тѣми преступными подвигами, которые они предполагаютъ за „жиганами," невольно окружаютъ ихъ ореоломъ почтенія, чѣмъ тѣ и пользуются.

Въ противоположность такому раздѣленію заключенныхъ по преступнымъ профессіямъ, на Сахалинѣ и вообще въ каторгѣ выработалось иное основаніе подраздѣленій, что весьма естественно объясняется тѣмъ, что каторжнымъ нѣтъ причинъ строить свою іерархическую лѣстницу на основѣ содѣянныхъ преступленій; это умѣстно тамъ, гдѣ наряду съ крупными преступниками сидятъ и мелкіе воришки, мошенники и т. п., но въ каторгѣ, гдѣ предполагается, что каждый имѣетъ за собой серьезное уголовное прошлое, строить свое различіе на этомъ болѣе или менѣе однообразномъ для всѣхъ прошломъ было бы неосновательно. Поэтому классы каторжанъ имѣютъ въ основѣ своего распредѣленія не внѣтюремное прошлое заключенныхъ, но то, какъ кто изъ нихъ сумѣлъ

себя поставить въ стѣнахъ самой каторжной тюрьмы. И у Мельшина, и у Дорошевича мы находимъ весьма обстоятельную характеристику отдѣльныхъ классовъ заключенныхъ. При изученіи тюремнаго быта особенно интересной представляется жизнь каторжныхъ на Сахалинѣ, во 1-хъ, потому, что тамъ средоточіе бродягъ, роль которыхъ въ арестантской жизни была выяснена еще въ предыдущей главѣ, во 2-хъ, потому, что туда ссылаются наиболѣе тяжкіе преступники. Такимъ образомъ на Сахалинѣ мы имѣемъ возможность изучить общество заключенныхъ преступниковъ въ самомъ, если такъ можно выразиться, концентрированномъ, сгущенномъ видѣ, почему всѣ ихъ психологическія и соціальныя особенности должны тамъ проявиться съ особенной яркостью.

Итакъ, во главѣ тюремнаго населенія стоятъ „иваны"; это самые отчаянные закоренѣлые долгосрочные которжники, которымъ терять уже больше нечего. „Иваны" не то-же самое, что бродяги, хотя и бродяга можетъ принадлежать къ „иванамъ". Привиллегированное положеніе ихъ обусловливается слѣдующими обстоятельствами: во 1-хъ, это люди наглые, дерзкіе и ничего не боящіеся, не задумывающіеся и передъ тѣмъ, чтобы отправить своего врага на тотъ свѣтъ, во 2-хъ, это, обыкновенно, люди большой физической силы, въ 3-хъ, это люди, которые никогда не грозятъ напрасно, но исполняютъ свою угрозу, во что-бы то ни стало, готовые, скорѣе погибнуть сами, чѣмъ не сдержать подобнаго обѣщанія. Разумѣется, такіе люди способны внушать ужасъ окружающимъ, а, какъ извѣстно, обаяніе можетъ исходить или изъ чувства восхищенія, или изъ страха. Значитъ, такіе люди должны пользоваться обаяніемъ. Этихъ людей, закаленныхъ страданіями и которымъ терять было нечего, не пугали ни розги, ни плети, ни прикованіе къ тачкѣ; они нерѣдко выступали передъ начальствомъ протестантами въ защиту интересовъ забитой и запуганной „шпанки". Это окружало

ихъ извѣстнымъ ореоломъ геройства и возвышало ихъ авторитетъ въ глазахъ заключенныхъ. Ко всему этому „иваны“ крѣпко держались другъ за друга; понимая, что въ единеніи заключается ихъ сила; они всегда поддерживали другъ друга и жестоко расправлялись съ тѣмъ, кто былъ имъ неудобенъ.

„Иваны“ представляли собою бичъ для всего, что было въ каторгѣ мало-мальски честнаго, добраго, порядочнаго; они враги всякаго бережливаго арестанта, всякой самой малѣйшей „зажиточности“, смотря по обстоятельствамъ, то отнимая открыто, то мошеннически выманивая, то просто воруя у арестанта всякую копейку, добытую тяжкимъ трудомъ.

Конечно, трудно было бы „иванамъ“, которыхъ меньшинство, держаться однимъ лишь страхомъ окружающихъ. Обаяніе ихъ было сильно и имѣло подъ собою прочное основаніе тогда, когда они являлись смѣлыми борцами за арестантскіе интересы, борцами, платившимися тяжко за свое дѣло при прежнихъ жестокихъ наказаніяхъ. Но въ послѣднее время, по мѣрѣ того, какъ положеніе каторжанъ улучшается, какъ обращеніе съ ними дѣлается все болѣе и болѣе гуманнымъ, обаяніе „ивановъ“ падаетъ, говоритъ Дорошевичъ: *) „ихъ ужасная тираническая власть при послѣднемъ издыханіи—„иваны“ вымираютъ“.

На Сахалинѣ роковое для „ивановъ“ значеніе имѣла ссылка туда за холерные безпорядки людей, которые, будучи нравственно неиспорченными, лишь по несчастью и невѣжеству сдѣлались преступниками. Эти-то свѣжіе, честные и работящіе люди не захотѣли подчиняться произволу шайки негодяевъ и, ставъ на сторону угнетаемой „иванами“ „шпанки“, они вступили въ открытую съ ними борьбу. Дошло до того что нѣсколько „ивановъ“ было избито до полу-смерти—„фактъ небывалый

*) Тамъ же, стр. 274.

въ исторіи каторги!“ И это страшно подорвало ихъ авторитетъ.

Такимъ образомъ и произошла эта крупная эволюція тюремнаго быта. Въ старомъ дореформенномъ русскомъ острогѣ заключенные въ теченіе долгаго періода времени сумѣли организовать свой бытъ на началахъ извѣстной правомѣрности и болѣе или менѣе справедливаго примиренія интересовъ отдѣльныхъ лицъ и классовъ; правильно организованное арестантское вѣче-сходка являлась средствомъ примирять интересы партій. Острожная аристократія и плебсъ мирно сожительствовали и взаимно уравновѣшивали другъ друга, обезпечивая спокойное теченіе острожной жизни. Все это зависѣло отъ того, что безнравственный и глубокоиспорченный элементъ былъ растворенъ въ цѣлой массѣ людей только „несчастныхъ“.

Послѣ ряда великихъ реформъ составъ заключенныхъ рѣзко измѣнился. Лучшіе элементы стали попадать въ тюрьмы лишь въ видѣ исключенія; обычнымъ населеніемъ тюрьмы сдѣлались люди порочные, люди, лишенные настоящихъ общежительныхъ инстинктовъ; среди заключенныхъ оказались, съ одной стороны, люди съ повышеннымъ физическимъ и волевымъ, хотя и дурно направленнымъ, развитіемъ, но большинство заключенныхъ состоитъ теперь изъ людей слабыхъ и тѣломъ и духомъ, людей болѣзненныхъ и вырождающихся, алкоголиковъ и т. п., людей, если и не разстроенныхъ психически, то, во всякомъ случаѣ, въ большомъ числѣ неврастениковъ, неуравновѣшенныхъ, способныхъ легко подчиняться чужому вліянію, особенно вліянію со стороны людей сильнаго характера, дерзкихъ, наглыхъ и физически сильныхъ, которыхъ нельзя не бояться. Вотъ на такой-то почвѣ и свершилось быстрое вырожденіе старой острожной общины. Въ прежней общинной жизни, при ея вѣчевомъ устройствѣ, гдѣ на сходкѣ приходилось энергично и мужественно отстаивать свои убѣжденія и свои интересы, что могли бы дѣлать люди

безхарактерные и трусливые, несмотря на содѣянныя ими даже и крупныя преступленія? Вѣдь, извѣстно, что можно быть самымъ жестокимъ и преступнымъ человѣкомъ и трусомъ въ то-же время. Очевидно, что вѣчевые порядки должны были пасть теперь, такъ какъ не стало подходящихъ для этого людей. Прежняя острожная аристократія быстро выродилась въ типъ „ивановъ", о которыхъ только что говорилось, и, вмѣсто правомѣрной жизни арестантской общины, наступилъ деспотизмъ шайки негодяевъ и угнетеніе разрозненной массы слабыхъ тѣломъ и духомъ людей, лишенныхъ тѣхъ соціальныхъ инстинктовъ, которые ведутъ къ солидарности и даютъ умѣніе устраивать цѣлесообразно и согласно съ требованіями справедливости свое общежитіе.

Это объясненіе подтверждается тѣмъ, что послѣ освободительныхъ реформъ быстро рухнули всѣ старыя острожныя традиціи, выработанныя цѣлыми поколѣніями заключенныхъ, исчезли безъ слѣда всѣ тѣ обычаи арестантства, о которыхъ говорятъ изслѣдователи стараго острога. Разомъ почти измѣнился составъ тюремныхъ сидѣльцевъ, и столь же рѣзко измѣнились нравы и обычаи тюрьмы. Ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ изслѣдователей современнаго арестантскаго быта уже не описываетъ той правильно организованной арестантской общины, о которой говорятъ прежніе писатели.

Какъ было уже упомянуто, достаточно было эпизодически, случайно лишь, попасть въ каторгу извѣстному числу честныхъ людей, чтобы поколебалась власть „ивановъ". Если и до сихъ поръ „иваны" не окончательно исчезли, то, во всякомъ случаѣ, надо думать—время это близко.

Остальныя категоріи сахалинскихъ каторжныхъ характеризуются слѣдующимъ образомъ: „Храпы"— это тѣ-же горланы деревенскаго схода: они готовы ораторствовать, кричать, подстрекать и на словахъ способны все перевернуть вверхъ дномъ, но когда доходитъ до раздѣлки, то они прячутся за другихъ.

Въ каторгѣ ихъ вліяніе иногда очень сильно. „Храпы“, по большей части, они-же и „глоты“, т. е. люди, принимающіе въ спорахъ сторону того, кто больше дастъ. „Глоты“ этимъ своимъ умѣніемъ вести интриги застращиваютъ людей слабыхъ и робкихъ и обираютъ ихъ. Слѣдуетъ отмѣтить вообще любовь арестантовъ къ интригамъ и ссорамъ, что происходитъ не только отъ тѣхъ корыстныхъ побужденій, о которыхъ только что говорилось, но, и, сверхъ того, вызывается страшной скукой острожной жизни.

Дорошевичъ выдѣляетъ, какъ особый классъ заключенныхъ, „игроковъ“. На первый взглядъ это кажется едва-ли основательнымъ, такъ какъ въ каторгѣ и въ тюрьмахъ вообще, по единогласному свидѣтельству всѣхъ изслѣдователей, азартныя игры во всѣхъ видахъ вообще процвѣтаютъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Однако, Дорошевичъ правъ, выдѣляя въ особый классъ „игроковъ“, такъ какъ къ нимъ онъ относитъ тѣхъ, кто, кромѣ игры, ничѣмъ больше уже не занимается. Характерно то, что, по словамъ Свирскаго *), играютъ арестанты *честно*, даже шулера и тѣ, за рѣдкимъ исключеніемъ, не позволяютъ себя никакого плутовства, во время игры. Кстати, онъ упоминаетъ объ обычаѣ, согласно которому выигрывающій обязанъ дать возможность проигравшему отыграться: партнеръ, проигравшій всѣ деньги, ставитъ „на-конъ“ какой-нибудь ему принадлежащій предметъ, а выигрывающій не имѣетъ права ему отказать, хотя бы вещь ему была совершенно ненужна.

Дорошевичъ же, описывая Сахалинъ, напротивъ того, говоритъ, что „игроки“ — всѣ шулера. Оригинальнѣе всего то, что если кто изъ зрителей замѣтитъ это и скажетъ, то всѣ присутствующіе бьютъ его до полусмерти. Это происходитъ отъ того, что арестанты заинтересованы всѣ въ игрѣ, отъ которой наживается майданщикъ, платящій

*) Свирскій, тамъ-же, стр.—115.

каждому арестанту камеры въ мѣсяцъ по 15 коп. Современные писатели уже не говорятъ ни о прежнихъ привиллегіяхъ бродягъ, ни о „лахманѣ долгамъ“, ни о правильной организаціи арестантской кассы.

Вообще капитализмъ сдѣлалъ чрезвычайные успѣхи въ арестантской средѣ: передъ капиталистами унижаются и подличаютъ, имъ угождаютъ, конечно, не безкорыстно. Тюремные капиталисты теперь нанимаютъ себѣ изъ арестантовъ лакеевъ „поддуваль“, къ которыми обращаются со всѣмъ самодурствомъ и грубостью невѣжественныхъ и глубоко-развращенныхъ людей. Если припомнить обычаи стараго острога, при которыхъ ростовщичество было сильно стѣснено, почти невозможно, то эта перемѣна станетъ особенно поразительна. Въ Сахалинской каторгѣ ростовщики называются „отцами“, а ростовщичество — „отечествомъ“, по большей части, они же и майданщики. Они берутъ съ своихъ кліентовъ невѣроятно чудовищный процентъ, но, что всего примѣчательнѣе, такъ это то, что неисправные должники подвергаются въ интересахъ ростовщика избіенію со стороны остальныхъ арестантовъ. Также бьютъ и игроковъ, не желающихъ расплачиваться, и тѣхъ, кто не расплачивается съ майданщикомъ. Къ слову надобно замѣтить, что бьютъ самымъ варварскимъ образомъ, отчего человѣкъ не очень крѣпкій съ одного раза можетъ зачахнуть.

Такимъ образомъ арестанты сдѣлались рабами своихъ капиталистовъ и за получаемые гроши выколачиваютъ въ ихъ пользу другъ изъ друга рубли. Въ этомъ также, по нашему мнѣнію, можно видѣть распаденіе старинныхъ общинныхъ традицій и торжество эгоизма и своекорыстья.

Пока „игрокъ“ въ выигрышѣ, онъ окруженъ цѣлой оравой холопствующихъ людей, жаждущихъ поживиться отъ его щедротъ. При окончательномъ своемъ разореніи „игроки“ обращаются въ тюремныхъ пролетаріевъ—„жигановъ“. Любопытно то,

что въ русскихъ „каламажняхъ“ (пересыльныхъ тюрьмахъ), по свидѣтельству Свирскаго, названіе „жиганъ“ почетное, а въ каторгѣ, наоборотъ, „жиганомъ“ называется вообще всякій бѣдный, ничего не имѣющій человѣкъ; но, въ частности, этимъ именемъ зовутъ проигравшихся въ конецъ „игроковъ“. Тогда-то бывшіе поклонники, друзья и прихлебатели когда-то счастливаго „игрока“ и мстятъ ему за свое недавнее холопство и униженіе злыми насмѣшками и самыми жестокими издѣвательствами. „Жиганы“ проигрываютъ иной разъ за много времени впередъ казенную порцію пищи и хлѣбъ, отчего болѣютъ, чахнутъ и даже умираютъ отъ истощенія. Они готовы играть на самыхъ унизительныхъ условіяхъ, напр., обязываясь въ случаѣ проигрыша спать на полу въ грязи, подъ нарами.

Остальная скромная задавленная привиллегированными классами масса „шпанка“—это плебсъ каторги, по большей части, люди, попавшіе въ каторгу по несчастью, люди зачастую неиспорченные нравственно, терпѣливо несущіе свой крестъ и лишенные силы, смѣлости или наглости, чтобы завоевать себѣ положеніе въ тюрьмѣ.

„Иваны“, храпы, игроки и даже самые жиганы говорятъ о шпанкѣ не иначе, какъ съ величайшимъ презрѣніемъ.

Въ острогѣ, описываемомъ Мельшинымъ, несмотря на демократизировавшій всѣхъ суровый режимъ, все-же выдѣлилась вліятельная партія „ивановъ“, людей глубоко-развращенныхъ, не останавливающихся ни предъ чѣмъ: однажды они пытались отравить непріятныхъ имъ интеллигентныхъ заключенныхъ.

Если и въ старомъ русскомъ острогѣ забавы заключенныхъ отличались грубостью и жестокостью, то въ новѣйшій періодъ они сдѣлались едва ли не еще болѣе отвратительными и жестокими. Прежде арестанты сами прекращали всякое насиліе и драку въ своей средѣ; теперь же на то и другое стали смотрѣть, какъ на самое пріятное развлеченіе; нравы

сдѣлались еще грубѣе. Забавы арестантовъ носятъ характеръ самаго жестокаго издѣвательства надъ людьми слабыми и беззащитными, особенно тяжело положеніе новичковъ въ пересыльныхъ тюрьмахъ, какъ о томъ разсказываетъ Свирскій. Въ каторжныхъ тюрьмахъ новички теперь находятся, повидимому, въ лучшемъ положеніи: ихъ только обыгрываютъ обманнымъ способомъ до-тла; роль шутовъ тамъ берутъ на себя добровольно за деньги или за проигрышъ „жиганы“.

Въ современной каторгѣ попрежнему преслѣдуется со всею строгостью убійство своего товарища, особенно въ бѣгахъ, а также и шпіонство: за то и за другое убиваютъ.

Попрежнему въ тюрьмахъ процвѣтаетъ торговля всякимъ хламомъ, имѣющимъ цѣнность въ глазахъ заключенныхъ, также не утратила своего значенія и водка. Изъ нововведеній слѣдуетъ отмѣтить обычай удостаивать татуировкой „регалками“ особо уважаемыхъ арестантовъ, обыкновенно, изъ категоріи „ивановъ“.

Чеховъ отмѣчаетъ въ характеристикѣ сахалинскихъ ссыльныхъ пороки и извращенія, свойственные по преимуществу людямъ подневольнымъ, порабощеннымъ, голоднымъ и находящимся въ постоянномъ страхѣ. Лживость, лукавство, трусость и малодушіе, наушничество, кражи, всякаго рода тайные пороки—вотъ арсеналъ, который выставляетъ приниженное населеніе, или, по крайней мѣрѣ, громадная часть его противъ начальниковъ и надзирателей *).

По цѣли нашего очерка намъ гораздо интереснѣе взаимныя отношенія заключенныхъ другъ къ другу. Относительно этого Мельшинъ **) говоритъ, что хотя въ современныхъ тюрьмахъ и замѣчается быстрое и ни чѣмъ неудержимое умираніе старин-

---

*) Чеховъ, тамъ-же, стр. 350.

**) Мельшинъ, тамъ-же, стр. 142.

ныхъ арестантскихъ обычаевъ и понятій, съ трудомъ уживающихся съ новыми порядками и условіями тюремной жизни, тѣмъ не менѣе, если не на дѣлѣ, то на словахъ, говоритъ онъ, чувство арестантской чести и товарищества до сихъ поръ еще живо и устойчиво. Такъ, напр., свято чтится и сохраняется обычай помогать всѣми возможными средствами посаженнымъ въ карцеръ товарищамъ, не справляясь о причинахъ ареста; имъ арестанты отдаютъ послѣдній „табачишко", послѣдній кусокъ сахару, вырѣзываютъ изъ обѣденнаго мяса лучшія порціи и т. д. Самая передача всего этого арестованнымъ сопряжена съ рискомъ для передающихъ и тѣмъ не менѣе всегда находятся готовые на это люди. Тотъ-же авторъ указываетъ, что арестанты охотно и вполнѣ безкорыстно оказывали разныя услуги своимъ болѣе слабымъ и неумѣлымъ товарищамъ и помогали имъ работать.

Мы не встрѣчаемъ у г. Дорошевича описаній подобнаго рода альтруистическихъ поступковъ; это можно, съ одной стороны, объяснить тѣмъ, что на Сахалинѣ нравы грубѣе и поэтому эгоизмъ тамъ еще болѣе торжествуетъ; не даромъ у этого автора часто встрѣчается фраза, говорящая, что на Сахалинѣ всякъ самъ за себя. Но, съ другой стороны, наблюденія г. Дорошевича и тѣ свѣдѣнія, которыя онъ могъ получить изъ разговоровъ съ арестантами, не могутъ претендовать на такую полноту, какую мы находимъ въ запискахъ Мельшина, въ которыхъ излагаются наблюденія лица, проведшаго цѣлые годы въ положеніи каторжника. Впрочемъ, и у Мельшина есть указаніе, что явленія тѣсной и нѣжной дружбы между арестантами рѣдки: каждый глядитъ на каждаго не какъ на товарища въ бѣдѣ, а скорѣе какъ волкъ на волка, врагъ на врага. Самое слово „товарищъ", которое арестанты очень любятъ, въ нашемъ культурномъ смыслѣ неупотребительно въ арестантской средѣ: товарищами зовутся люди, пьющіе и ѣдящіе вмѣстѣ изъ одной посуды. Но такія экономическія связи

происходятъ большею частью случайно. Слово „другъ" еще меньше въ ходу *).

Въ противоположность этому, Дорошевичъ говоритъ слѣдующее: убійство каторжаниномъ каторжника каторга не всегда наказываетъ смертью. Но за убійство каторжаниномъ „товарища"—всегда и обязательно. „Товарищъ" на каторгѣ великое слово: въ словѣ „товарищъ" заключается договоръ на жизнь и смерть. Товарища берутъ для совершенія преступленія, для бѣговъ. Берутъ не зря, а хорошенько узнавъ, изучивъ, съ большой осторожностью. Товарищъ становится какъ бы роднымъ, самымъ близкимъ и дорогимъ существомъ въ мірѣ; почтеніемъ и истинно-братской любовью проникнуты всѣ отношенія къ товарищу**).

Такое разнорѣчіе двухъ цитируемыхъ авторовъ, по всей вѣроятности, происходитъ потому, что изъ описываемой Мельшинымъ тюрьмы не было побѣговъ: одинъ и тотъ неудачный; поэтому тамъ и не приходилось наблюдать заключенныхъ при такихъ обстоятельствахъ. Повторяя изложенное нами въ предыдущей главѣ, скажемъ и здѣсь, что соприкосновеніе съ свободой, хотя бы въ бѣгахъ, оказывало и теперь морализующее вліяніе на людей: въ заключеніи люди озлобляются и относятся другъ къ другу, если и не явно враждебно, то по крайней мѣрѣ безучастно; но въ бѣгахъ, на свободѣ, ясно чувствуя и сознавая солидарность интересовъ и необходимость взаимной поддержки, они проникаются постоянно чувствомъ взаимной привязанности и братской любви.

Говоря о взаимныхъ отношеніяхъ заключенныхъ, нельзя не упомянуть о самой грубой и непристойной брани, которой, не придавая тому особаго значенія, осыпаютъ другъ друга арестанты. Всѣ изслѣдователи тюремнаго быта въ Россіи подчеркиваютъ эту любовь къ сквернословію и ссо-

*) Тамъ же, стр. 61.
**) Тамъ-же, стр. 349.

рамъ. Особенно арестанты любятъ стравливать двухъ враговъ до драки, что доставляетъ зрителямъ пріятное развлеченіе. Такъ по свидѣтельству Свирскаго, въ пересыльныхъ тюрьмахъ; но въ каторжныхъ тюрьмахъ, по словамъ Мельшина, обыкновенно не даютъ далеко заходить дѣлу, потому, вѣроятно, что въ пересыльныхъ тюрьмахъ населеніе постоянно мѣняется и открытая вражда и ссоры не представляютъ особенныхъ неудобствъ и опасностей, тогда какъ въ каторгѣ, при болѣе или менѣе постоянномъ составѣ заключенныхъ и при крайней жестокости ихъ нравовъ, это могло бы угрожать слишкомъ большими непріятностями.

Арестанты не только охотно помогаютъ тѣмъ, кто хочетъ бѣжать, но самый уже фактъ побѣга создаетъ особыя льготы: такъ, бѣжавшему обязательно прощаются всѣ его долги, вслѣдствіе чего многіе бѣгаютъ только ради этого на короткое время.

И нынѣ, какъ и въ старое время, въ тюрьмахъ процвѣтаютъ противоестественные пороки, причемъ особаго вниманія заслуживаетъ то, что тѣ, кто выполняютъ пассивную роль, презираются: ихъ то балуютъ, то бьютъ, а ихъ соучастники не только не порицаются, но даже чуть-ли не пользуются особымъ уваженіемъ*). При возможности общенія съ женщинами, что, по словамъ г. Мельшина, случалось даже въ описываемой имъ тюрьмѣ съ самымъ строгимъ режимомъ, половой развратъ развертывался во всю**).

По мнѣнію всѣхъ изслѣдователей, преобладающее вліяніе въ мѣстахъ заключенія принадлежитъ самымъ испорченнымъ и самымъ преступнымъ элементамъ. Они задаютъ тонъ, передъ ними преклоняются, имъ стараются подражать, приписывая для того себѣ такія злодѣянія, которыя въ дѣйствительности вовсе и не совершались иной

*) Мельшинъ, тамъ-же, ч. II, стр. 201.

**) Тамъ-же, ч. I. стр. 347.

разъ. На этой почвѣ развивается страшнѣйшее и самое беззастѣнчивое хвастовство и самое низкое тщеславіе: человѣкъ, который на свободѣ привыкъ унижаться передъ каждымъ дворникомъ, сидя въ тюрьмѣ, старается изобразить изъ себя наводящаго ужасъ разбойника; ему хотя и не вѣрятъ, но слушаютъ; устанавливается какъ бы взаимность въ этомъ отношеніи, благодаря чему каждый можетъ доставить себѣ удовольствіе порисоваться въ глазахъ своихъ и своихъ слушателей.

Въ противоположность тому, что было въ старомъ острогѣ, теперь любимымъ времепрепровожденіемъ заключенныхъ являются разговоры о своемъ преступномъ и часто преувеличенномъ прошломъ и мечты о будущихъ криминальныхъ подвигахъ. Отношеніе преступниковъ къ своему преступному прошлому поражаетъ довольствомъ этимъ прошлымъ, а къ понесенному наказанію, за весьма рѣдкими исключеніями, они относятся какъ къ высшей несправедливости. Говоря вообще, раскаяніе у нихъ не азмѣчается вовсе. Однако, Мельшинъ расказываетъ *), что когда нѣкоторые изъ заключенныхъ стали писать свои біографіи, то между всѣми ими было одно общее сходство: „авторовъ ихъ занималъ и мучилъ одинъ и тотъ-же, вопросъ—о причинахъ, толкнувшихъ ихъ на путь преступленія и разврата, и всѣ они одинаково скорбѣли о томъ, что не сумѣли или не могли жить честно въ средѣ неопороченныхъ хорошихъ людей, и, что самое главное, отъ этой скорби вѣяло всегда несомнѣнной глубокой искренностью.

Одно изъ двухъ тутъ: или эти біографіи писали не только наиболѣе развитые, но и наименѣе испорченные люди изъ числа заключенныхъ, или же на бумагѣ всѣ вообще были искреннѣе, чѣмъ въ разговорахъ, когда они, быть можетъ, умышленно напускали на себя то, что называется „отчаянностью“.

---

*) Тамъ-же, ч. II. стр. 244.

По словамъ Дорошевича, *) они считаютъ врагами осудившее ихъ общество, и каторгѣ нѣтъ никакого дѣла до преступленій, совершаемыхъ каторжными противъ „чалдоновъ“ т. е. свободныхъ людей. Самое звѣрское преступленіе не вызоветъ ихъ осужденія. Разъ человѣкъ убьетъ кого не изъ за денегъ, каторга отнесется къ этому какъ къ „баловству“. Но арестанты враждебно относятся къ отцеубійцамъ и братоубійцамъ **). На языкѣ каторги „преступленіемъ“ называется только убійство, кража же считается ничѣмъ ***).

Заключенные преступники поражаютъ особой жаждой мщенія; можно подумать, что они только объ этомъ и думаютъ, чтобы отмстить своимъ дѣйствительнымъ или мнимымъ врагамъ, оставшимся на свободѣ.

Мельшинъ разсказываетъ, что болѣе всего арестантовъ приводили въ восторгъ разсказы о самыхъ жестокихъ убійствахъ и истязаніяхъ, при чемъ они, что называется, покатывались со смѣха. Онъ говоритъ также, что арестанты поражаютъ своимъ почти дѣтскимъ легкомысліемъ, импульсивностью дѣйствій, выражающейся въ крайней необдуманности и поспѣшности своихъ поступковъ; они чрезвычайно впечатлительны и въ общемъ страдаютъ слабостью воли, неразвитостью воображенія, благодаря чему не умѣютъ себѣ представить, какъ свои, чужія страданія и боль. У наиболѣе испорченныхъ замѣчается особое какъ бы сладострастіе жестокости, а у иныхъ даже болѣзненная свирѣпость. Нѣкоторые, будучи очень неглупыми и развитыми и обладая остроуміемъ и сильной логикой, страдаютъ совершеннымъ отсутствіемъ нравственнаго чувства, и такихъ нравственно помѣшанныхъ не очень мало въ каторгѣ. Даже самые мягкіе изъ арестантовъ и тѣ, по поводу чтенія Евангелія, высказывали, что имъ больше нравится Ветхій

---

*) Дорошевичъ, тамъ-же, ч. I, стр 345.
**) Мельшинъ, тамъ-же, ч. I, стр. 263.
***) Дорошевичъ, тамъ-же, стр. 347.

Завѣтъ съ его „око за око и зубъ за зубъ“. Одинъ же изъ слушателей добавилъ при этомъ: „А, по моему, два ока за одно и всѣ зубы за одинъ!“

Такъ описываетъ нравы каторжныхъ Мельшинъ *). Онъ приводитъ свѣдѣнія о родственникахъ нѣкоторыхъ изъ заключенныхъ, и въ большинствѣ случаевъ среди этихъ ближайшихъ родственниковъ оказываются также преступники, чѣмъ подтверждается ученіе антропологовъ о наслѣдственности.

Многое въ этихъ печальныхъ явленіяхъ онъ приписываетъ крайнему невѣжеству преступниковъ, полному отсутствію для громаднаго большинства изъ нихъ какого бы то ни было нравственнаго и религіознаго воспитанія, вслѣдствіе чего они совершенные рабы своихъ животныхъ инстинктовъ, не имѣя даже и представленія о высщихъ этическихъ мотивахъ. Встрѣчаются среди заключенныхъ и такіе, которые сознательно, по убѣжденію, отвергаютъ всякую нравственность. Мельшинъ **) описываетъ одного изъ такихъ, который не признавалъ ничего, кромѣ грубой матеріалистически-послѣдовательной логики. Одна красная полоса разстилалась надъ всѣми его чувствами, думами и вожделѣніями: непримиримая ненависть ко всѣмъ существующимъ традиціямъ и порядкамъ, начиная съ экономическихъ и кончая религіозно-нравственными, ко всему, что клало хотя малѣйшую узду на его непокорную волю и неудержимую жажду наслажденій... „Наплюй на законъ, на вѣру, на мнѣніе общества, рѣжь, грабь и живи во всю“, таковъ былъ его девизъ.

Подобный типъ является преобладающимъ на сахалинской каторгѣ, какъ описываетъ ее Дорошевичъ, который, говоря о каторжникахъ, нерѣдко упоминаетъ и объ ихъ преступной роднѣ, объ ихъ алкоголизмѣ и о бросавшихся иной разъ въ глаза

*) Тамъ же, ч. I, стр. 167.

**) Тамъ-же, стр. 159.

явныхъ признакахъ физическаго вырожденія; извѣстный своимъ звѣрствомъ даже на Сахалинѣ каторжникъ Широколобовъ, напр., сынъ каторжныхъ родителей, сосланныхъ за убійства и поженившихся на каторгѣ.

Таковы основныя черты современнаго тюремнаго быта и тѣ отдѣльные элементы нравственныхъ понятій заключенныхъ, изъ сочетанія которыхъ, какъ ихъ производное, образуется понятіе о чести, къ ближайшему анализу чего мы теперь и переходимъ.

Съ паденіемъ общиннаго устройства естественно должно было ослабѣть и совсѣмъ даже утратиться постепеннъ понятіе о такъ называемомъ *честномъ варнацкомъ словѣ,* которое, какъ о томъ подробно говорилось въ предыдущей главѣ, было словесной формулой, выражавшей круговую поруку заключенныхъ другъ за друга. Однако уже въ 1887 г. былъ случай, о которомъ упоминаетъ въ своихъ „Лекціяхъ“ проф. Таганцевъ: при крушеніи „Костромы“ капитанъ судна не только выпустилъ на варнацкое слово 235 человѣкъ каторжныхъ безъ оковъ на палубу, но затѣмъ высадилъ ихъ на берегъ только съ двумя часовыми-матросами и лейтенантомъ Панютинымъ, и они, вблизи тайги, оставались болѣе сутокъ безъ всякихъ попытокъ къ побѣгу, пока ихъ не забралъ пароходъ «Владивостокъ“ *).

Но, повидимому, это варнацкое честное слово уже отходитъ въ область преданій, такъ какъ ни одинъ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей тюремнаго и каторжнаго быта не упоминаетъ о немъ.

Въ „Воспоминаніяхъ одного врача о карійской каторгѣ“ В. К-ва **), относящихся къ 1872—73 гг., приводится случай, когда одинъ тяжкій преступникъ, отпущенный докторомъ на честное слово изъ лазарета на свиданіе съ женою и имѣя полную возможность бѣжать, явился въ срокъ обратно.

*) «Лекціи», стр. 1003.
**) «Русск. Богатство», 1902 г., № 10.

Конечно, было бы несправедливо и несогласно съ фактами думать, что каждый теперешній каторжникъ — человѣкъ настолько безвозвратно испорченный, что на слово его безусловно нельзя положиться, и теперь найдутся, безъ сомнѣнія, даже и среди тяжкихъ преступниковъ люди не до конца развращенные и способные сдержать свое слово. но, во всякомъ случаѣ, скорѣе, это будетъ исключеніе, чѣмъ общее правило, и, насколько можно судить по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣніямъ, прежнее „честное варнацкое слово“ отжило или, по крайней мѣрѣ, доживаетъ свой вѣкъ.

Но если даже и такъ. то все-же въ тюрьмахъ и каторгѣ существуютъ свои понятія о чести, которыя не только не ослабѣваютъ, но, напротивъ того, развиваются, и за оскорбленіе этой чести заключенные преступники готовы убить своего оскорбителя.

Свирскій говоритъ, что арестанты самолюбивы до болѣзненности и готовы защищать свою арестантскую честь до послѣдней капли крови. Честь эта, по ихъ понятіямъ, заключается въ томъ, во 1-хъ, что каждый арестантъ долженъ быть хорошимъ воромъ, не трусомъ, правильно дѣлиться съ товарищами, не шпіонить и, какъ вѣнецъ всего, нѣсколько разъ посидѣть въ тюрьмѣ; во 2-хъ, на свободѣ онъ долженъ показаться хоть временно въ хорошемъ костюмѣ и при деньгахъ, чтобы доказать этимъ, что онъ „работаетъ“, и наконецъ, въ 3-хъ, онъ обязанъ, во имя чести, не выдавать товарищей и помогать имъ, если они попадутся. Кромѣ того, честь не позволяетъ наиболѣе тяжкимъ преступникамъ сближаться съ мелкими, исключеніе дѣлается, если кто изъ послѣднихъ обладаетъ чрезвычайной физической силой.

Особенно тяжкимъ оскорбленіемъ, изъ за котораго идутъ на ножи, считается, если кто скажетъ другому:

„чего ты ко мнѣ пристала?“

Свирскій объясняетъ это тѣмъ, что для „порядочнаго“ арестанта кажется оскорбительнымъ обращеніе съ нимъ какъ съ „бабой“, но если припомнить то, какъ презрительно относятся арестанты къ тѣмъ несчастнымъ, которые страдаютъ извѣстнымъ половымъ извращеніемъ, о чемъ говорилось раньше, то такая особая щепетильность къ слову: „пристала“ будетъ особенно понятна. Дорошевичъ разсказываетъ о случаѣ, когда произошло убійство изъ-за того, что одинъ арестантъ назвалъ другого тѣмъ грубымъ словомъ, которымъ русскій народъ обозначаетъ распутную женщину.

Свирскій приводитъ случай, когда два арестанта вступили въ жестокую драку изъ-за того, что одинъ изъ нихъ высказалъ предположеніе про другого, будто тотъ не воръ. Разговоръ ихъ такъ характеренъ, что отрывокъ изъ него мы здѣсь приводимъ *).

„Кто же я, по твоему, воръ, аль нѣтъ?“

— Мы съ тобой вмѣстѣ не воровали.

— Нѣтъ уже ты не финти, а прямо отвѣчай: воръ я, аль нѣтъ?

— Не знаю я тебя за вора,—вотъ тебѣ весь мой сказъ!

— А, такъ ты вотъ куда гнешь! Я, по твоему, значитъ не воръ? Такъ держися, дружокъ!.. И съ этими словами оскорбленный преподноситъ обидчику здоровенный кулакъ въ грудь. Тотъ, конечно, въ долгу оставаться не хочетъ, и, къ удовольствію зрителей, начинается ожесточенная драка, которая часто кончается увѣчьемъ.

Невольно поражаешься, читая это, насколько своеобразно можетъ пониматься честь у разныхъ людей! Тотъ же авторъ разсказываетъ, что въ одномъ тюремномъ отдѣленіи для малолѣтнихъ случилось даже убійство: одинъ 15-лѣтній преступникъ убилъ своего товарища, публично выразившаго недовѣріе къ повѣствованію объ участіи раз-

*) Свирскій, тамъ-же, стр. 66.

сказчика въ дерзкой кражѣ. Дорошевичъ говоритъ, что и въ современной каторгѣ держатъ свое слово, но лишь тогда, когда оно заключается въ угрозѣ: „иванъ", желающій сохранить свой престижъ, обязанъ привести свою угрозу въ исполненіе, во чтобы то ни стало. Презрѣнію повергаются также и тѣ, кто не даетъ своего посильнаго взноса на палача, когда кого-нибудь наказываютъ, и тѣ, кто отказывается помогать бѣглымъ. Несоблюденіе этихъ двухъ обязанностей наказывается общимъ презрѣніемъ, а оно на Сахалинѣ выражается общими побоями. Такой человѣкъ—„хамъ", бить его ежечасно можно и должно *).

Каторга предоставляетъ своимъ членамъ заключать между собою какіе угодно договоры и требуетъ одного только; свято соблюдать заключенный договоръ, какъ бы онъ не былъ возмутителенъ. Въ противномъ случаѣ все отнимаютъ и еще жестоко избиваютъ. Своихъ преступниковъ арестанты для приведенія къ сознанію подвергаютъ безчеловѣчной пыткѣ. Тѣлесныя наказанія настолько ожесточаютъ и дѣлаютъ грубыми нравы, что утрачивается сознаніе оскорбительности этихъ наказаній и боятся только физической боли, ими причиняемой; истинное чувство собственнаго достоинства пропадаетъ.

Въ такомъ видѣ представляется понятіе о чести въ современныхъ мѣстахъ заключенія въ нашемъ отечествѣ. Сравнивая это съ тѣмъ, что было въ дореформенный періодъ, нельзя не признать въ нравахъ заключенныхъ крупнаго регресса, о причинахъ котораго подробно говорилось въ началѣ этой главы.

Заканчивая очеркъ, было-бы желательно попытаться сдѣлать хотя бы лишь нѣкоторые практическіе выводы изъ всего вышеизложеннаго.

Итакъ, какими же средствами можно было бы содѣйствовать улучшенію тюремныхъ нравовъ? Вопросъ этотъ важнѣйшій, такъ какъ въ немъ

---

*) Тамъ-же, ч. I, стр. 346.

заключается главнѣйшая цѣль всей тюремной политики.

Современная пенитенціарная наука выработала много усовершенствованныхъ системъ тюремнаго режима и тюремнаго воспитанія, и, пожалуй, трудно было бы сказать въ этой области свое новое слово. Не стремясь непремѣнно изобрѣсти что-нибудь свое, я могу только сказать, что изъ всего, мнѣ извѣстнаго, больше всего мнѣ по душѣ идеи англійскаго тюремнаго дѣятеля Мэконоки:

„Я дѣйствовалъ, — говоритъ онъ, — за одно съ природою человѣка, а не противъ нея, какъ заведено въ другихъ тюремныхъ системахъ“...

Важнѣе всего устроить дѣло такъ, чтобы судьба каждаго арестанта, насколько возможно, была бы въ собственныхъ его рукахъ; при обыкновенной тюремной дисциплинѣ существуетъ весьма важное заблужденіе, въ силу котораго отъ арестанта требуется только покорность. Въ виду невозможности улучшить свое положеніе, онъ дѣлается неподвижнымъ, приспособляется къ своему положенію и впадаетъ въ апатію. Напротивъ того, если бы ему было предоставлено право улучшить свое положеніе, то онъ чувствовалъ бы возлагаемыя на него лишенія съ гораздо большей силою и тѣмъ охотнѣе предавался бы труду, ведущему къ улучшенію. Только при такихъ условіяхъ тюрьма можетъ сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ исправляющимъ учрежденіемъ *).

Но надобно еще замѣтить, что всѣ извѣстныя тюремныя системы задаются едва ли достижимой цѣлью: устранять зло, не касаясь его причинъ. Преступленіе, вѣдь, есть показатель того, что въ обществѣ не все благополучно, что въ немъ дѣйствуютъ нѣкоторыя причины, производящія преступность. Преступленіе есть не болѣе, какъ неизбѣжное слѣдствіе этихъ причинъ, и желая его устранить, надлежало бы уничтожить эти при-

---

*) Таганцевъ „Лекціи“, 1235.

чины, по аналогіи, съ медициной, гдѣ собственно предупрежденіе болѣзней важнѣе и цѣлесообразнѣе лѣченія ихъ.

На первомъ планѣ въ числѣ производящихъ преступленія причинъ стоитъ, по общему признанію, алкоголизмъ, затѣмъ, безработица и нищета, и, какъ слѣдствіе всего этого, физическое и моральное вырожденіе. Если-же производящими преступность причинами являются алкоголизмъ, нищета и ихъ производное—вырожденіе, то, слѣдовательно, задача тюремнаго воспитанія должна заключаться въ томъ, чтобы приготовить человѣка, если это еще не поздно, для борьбы съ тѣмъ и другимъ. Для этого надобно его просвѣтить умственно и нравственно, научить его работать и, сверхъ того *укрѣпить его здоровье* вообще и нервную систему въ частности. Конечно, все это легче сказать, чѣмъ сдѣлать, но, къ сожалѣнію, намъ не дано сразу совершать крупные перевороты, приходится медленно завоевывать каждую пядь въ стремленіи къ лучшей жизни и къ общему счастью.

Важнѣе всего не то, какая система тюремнаго устройства будетъ принята, а то, какіе люди будутъ поставлены выполнять высокую миссію нравственнаго возрожденія падшихъ и погибающихъ людей. По этому поводу припоминаю случай, о которомъ мнѣ привелось слышать отъ одного почтеннаго лица, бывшаго сравнительно еще недавно начальникомъ одной изъ тюремъ.

Заключенный въ одиночной камерѣ молодой крестьянинъ началъ буйствовать, грубо обругалъ надзирателя, вытолкалъ его изъ своей камеры и даже угрожалъ его убить. По распоряженію начальника тюрьмы, онъ былъ посаженъ въ карцеръ, гдѣ продолжалъ страшно шумѣть и браниться. Начальникъ тюрьмы подошелъ къ дверямъ карцера и спокойнымъ голосомъ обратился къ заключенному, предлагая ему успокоиться. Въ отвѣтъ на это онъ услышалъ уже по своему адресу са-

мую грубую брань и угрозы. Тогда онъ кротко обратился къ арестанту:

„За что ты бранишь меня, что я тебѣ сдѣлалъ дурного? Ты оскорбилъ надзирателя,—я тебя посадилъ въ карцеръ, что я обязанъ былъ сдѣлать по закону. Но я хотѣлъ только дать тебѣ успокоиться и опять выпустить тебя въ камеру; а ты теперь бранишь и оскорбляешь меня. За что?“

Арестантъ замолчалъ: онъ былъ пораженъ этимъ кроткимъ и ласковымъ упрекомъ. Надобно замѣтить, что начальникъ тюрьмы былъ почтенный старецъ съ длинной сѣдой бородой, съ наружностью апостола.

Прошла еще минута.. и арестантъ вдругъ упалъ въ карцерѣ на колѣни въ слезахъ, истерически рыдая, со словами:

— „Прости, прости я больше никогда не буду!“

Его сейчасъ же освободили изъ карцера, и онъ на колѣняхъ бросился цѣловать руки начальника тюрьмы, прося прощенія. Во все остальное время своего пребыванія въ тюрьмѣ онъ велъ себя безупречно.

Этотъ случай я привожу здѣсь, какъ примѣръ того, какимъ способомъ можно иной разъ подѣйствовать на озлобленную душу преступника, обращая ее къ добру. Конечно, никакая регламентація не могла бы установить правилъ на этотъ счетъ. Тутъ надо носить въ себѣ особое дарованіе тюремнаго педагога, свой особый талантъ, много надо любить людей для этого, любить и понимать ихъ. Но такъ какъ таланты встрѣчаются, лишь какъ рѣдкое исключеніе, то необходимо установить тюремный режимъ по болѣе усовершенствованному типу: раздѣленіе заключенныхъ по роду преступныхъ дѣяній, отдѣленіе рецидивистовъ и т. п. Затѣмъ едва-ли не важнѣе всего, чтобы по выходѣ изъ тюрьмы бывшій заключенный на свободѣ уже не попадалъ бы въ прежнюю свою среду и въ прежнія условія жизни, въ которыхъ онъ дошелъ до преступленія. Какъ это

сдѣлать—это вопросъ большой и сложный, но, конечно, разрѣшимый и въ Западной Европѣ отчасти уже и разрѣшенный. Для этого надо, чтобы человѣкъ, подвергшійся уже извѣстному нравственному воспитанію въ тюрьмѣ, такому, разумѣется, какое оно должно быть,—по выходѣ оттуда сразу же попадалъ бы подъ покровительство общества патроната и *непремѣнно получалъ бы работу*. Все это, впрочемъ, вещи общеизвѣстныя для спеціалистовъ; поэтому распространяться о нихъ лишнее. Хотѣлось бы только поскорѣе видѣть осуществленіе всего этого.

К. Шрейтерфельдтъ.

Вопросы желѣзнодорожнаго права разрѣшен. гражд. касс. Сенатомъ въ 1901 и первой половинѣ 1902 г. *К. П. Змирловъ*. Ц. 1 р.; въ пер. 1 р. 30 к.
Залоговыя свидѣтельства, порядокъ ихъ полученія. *П. Дроженина*. 1900. 30 к.
Домашнія дух. завѣщанія, практ. рук. *А. Анисимова*. 92. 40 к., въ пер. 60 к.
Уставъ о гербовомъ сборѣ, съ мотив., разъясн. и алфав. указат. Его-же. Изд. 11-е 1901. 1 р. 50 к., въ пер. 1 р. 80 к. безъ дополн., съ дополн. 2 р.
Алфавитный указатель, объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи неправоспособн. Сост. онъ-же, за время по 1 янв. 1901 г. 4 р.
Алфавитъ довѣренностей, уничтоженныхъ публикаціями въ Сен. Объявленіяхъ съ 1838 по 1 января 1901 г. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.
Уставъ о пошлинахъ, съ доп. и разъясн. Его-же. Изд. 2. 1900. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Урочное положеніе для строительныхъ работъ. 1902. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Правила содержанія и охраненія жел. дор. 96. 40 к.
Правила движенія по жел. дор., съ дополн. и разъясн. по іюль 97 г. 40 к.
Правила содержанія и употребленія подвижнаго состава на паровозн. жел. дорогахъ, съ измѣненіями по 1 іюля 97 г. и съ инструкц. о паровыхъ котлахъ. 97. 30 к.
Правила технич. эксплоатаціи жел. дорогъ, открытыхъ для обществ. надобности (утв. 8 февр. 98 г.). 40 к. въ пер. 60 к.
Руководство по технич. части службы движенія (для подготовл. на должн пом. нач. станц. и запасн. агент.). *Н. Палибина* 98. 40 к., въ пер. 60 к
Инструкція по составл. город. смѣтъ и новыя формы этихъ смѣтъ. 98. 30 к
Инструкція по составл. земск. смѣтъ и новыя формы этихъ смѣтъ. 98. 30 к
Общій алф. указатель къ собр. узаконеній за 80—92 г. *Н. Дамье*. 2 р. въ пер. 2 р. 50 к.
Правила объ устройствѣ суд. части, о произв. суд. дѣлъ, гдѣ земск. нач. и врем. правила о вол. судѣ. *С. Чагина*. Изд. 4 1902. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.
Судопроизводство гражданское и уголов. въ суд.-админ. учрежденіяхъ. Объясненія къ правиламъ 1889 г. о произв. суд. дѣлъ, основанныя на теоріи и практикѣ гражд. и угол. судопр. *Г. Верблоовскаго*. Изд. 2-е, 98. 1 р. 50 к. въ пер. 2 р.
Настольная книга для земск. начальниковъ, гор. судей, у. членовъ и вол. судовъ. Сост. *А. Альмединенъ*. Изд. 4-е. 95. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.
О крестьянскихъ сервитутахъ въ губ. Западн., Прибалт., и Ц. Польскаго. Сборникъ узак., расп. и рѣш. Общ. Собр. Сената. *К. Абрамовича*. 95. 1 р. 60 к., въ пер. 2 р.
Вол. судъ и юрид. обыч. крестьянъ. *А. Леонтьева*. 95. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.
Руководство для волостныхъ писарей. *П. Новикова*. 96. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р.
Уставъ крест. поз. банка, съ доп. и образц. бумагъ. 96. 40 к., въ пер. 60 к.
Учрежденіе суд. установл., съ разъясн., прав. счетовод., внутр. распор. форм. одежды и пр. *С. Громачевскаго*. 97 г. 3 р., въ пер. 3 р. 50 к.
Охранит. судопроизвод. Прак. пособіе. Его-же. 96. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Новый законъ объ исполненіи окончательныхъ суд. рѣшеній. 94. 25 к.
Новыя правила о порядкѣ принятія и направленія прошен. и жалобъ, на Выс. Имя приносимыхъ, съ образц. прошен. и жалобъ. 1902 г. 30 к.
Положеніе о видахъ на жительство, съ мотивами и разъясн. 99 г. 50 к.
Новыя правила объ охотѣ. 95. 25 к.
Уголовное уложеніе. Высоч. утв. 22 марта 1903 г. съ предметн. (алфавитн.) и сравнительными указат. 1903 г. въ пер. 1 р.
Уставъ лечебн. заведеній М. Вн. Д., съ инструкц. 95. 50 к., въ пер. 75 к.
Справочная книга для полиц. урядниковъ и сельск. полиціи, съ инстр., цирк. и образц. протоколовъ и донесеній. *В. Мордвинова*. Изд. 5. 1901. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.
Справочная книга для чиновъ податной инспекціи (сборн. законополож. правилъ и распоряж., касающихся дѣятельн. и служебн. положенія податн. инспекторовъ и ихъ помощн.). *Недошивинъ*. 1902 г. 2 р.
Общій Уставъ Счетный, съ разъясн. *М. Палибина*. Изд. 3. 1900. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.

Конспектъ особенной части уголовн. права. Составл. примѣнит. къ прогр. принятой въ юридич. испыт. коммиссіи. *М. К.* 903 г. 1 р.
Краткій курсъ международнаго права. *Николаевъ.* 902 г. 2 р.
Положеніе о госуд. квартирн. налогѣ, съ инструкціею. 94. 30 к.
Систематич. и алфав. указатели къ своду закон. *М. Палибина.* 94. 60 к., въ пер. 80 к.
Алфавитъ полиц. законовъ. *М. Доброленскаго.* 94. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р.
Сборникъ законовъ, распоряженій и разъясненій о бракѣ и разводѣ. Сост. *В. Н. Мордвиновъ.* Изд. 2. 901. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.
Справочная книга для судебн. слѣдоват. и кандидатовъ на суд. должн. Сост. суд. слѣд. *Н. Ильинъ.* 95. 1 р. 20 к. въ пер. 1 р. 50 к.
Руководство для Мировыхъ Судей. *Н. Неклюдова.* Т. I. Уставъ Уг. Судопр. 72. 4 р. Т. II. Уставы о наказан. 74. 4 р. 50 к., оба тома въ пер. 10 р.
Очерки польской ипотеки. Практич. руководство въ 2 част. Сост. кн. *В. А. Волконскій.* (Печатано по распор. Мин. Юст.). 91. 3 р.
Сводъ разъясненій Гражд. Кассац. Деп-та по вопросамъ гражд. права губ. Ц. Польскаго. Сост. баронъ *А. Нолькенъ.* 91. 1 р. 50 к.
Сводъ гражд. узаконеній Прибалт. губ., съ доп. Сост. онъ-же. 91. 3 р. 50 к.
Разъясненіе перваго общаго собранія правит. Сената и Госуд. Совѣта по дѣламъ земскимъ, городскимъ, о крестьянахъ, о службѣ гражданской, о евреяхъ и др. онъ-же 1902 г. 3 р., въ пер. 3 р. 60 к.
Положенія о преобразов. суд. части и крестьянск. прис. мѣстъ въ Прибалт. губ. и правила о привед. ихъ въ дѣйствіе, съ дополн. и мотивами, Сост. *Гасманъ* и *Нолькенъ.* 90. 4 р. 50 к.
Законъ 2 іюня 1897 г. о нормировкѣ рабоч. времени, съ утв. Мин. Фин. правилами, инструкц. и дополн. циркуляр. фабр. инспекц. 98. 30 к.
Уставъ о промышленности (т. XI, ч. 2) фабричной, заводс., ремесл. и уст. пробирный, съ узакон., обнародов. по 1 іюля 99 г., законодат. мотивами, рѣш. Сената и цирк. Мин. Вн. Дѣлъ и Фин. *М. Шрамченко.* 99. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.
Законы и правила о паровыхъ котлахъ и о сборѣ съ котловъ. *А. Кобеляцкаго.* Изд. 2. 98. 50 к., въ пер. 80 к.
Справочная книга для фабр. инспекціи. Его-же. Изд. 5. 98. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к. Дополненіе къ ней. 1900. 50 к.
Наказъ чинамъ фабричной инспекціи. Утв. 9 февр. 1900. 30 к.
Сберегательныя кассы при фабрикахъ, заводахъ и др. предпріятіяхъ. 98. 25 к.
Правила и формы смѣтнаго, кассов. и ревиз. порядка, съ доп. и цирк. Мин. Фин. и Гос. Контроля. Сост. *В. Саковичъ* и *Н. Широковъ.* Изд. 8. 1902. 4 р., въ пер. 4 р. 60 к.
Положеніе о гос. промысловомъ налогѣ, съ инстр. и допол. *В. Саковичъ* Изд. 3. 1902. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.
Уставъ Военно-Суд., съ разъясн. *Н. Мартынова.* Изд. 8. 902. 3 р. 50 к., въ пер. 4 р.
Уставъ Дисциплинар. съ разъясн. Его-же. Изд. 2. 99. 50 к., въ пер. 75 к.
Воинскій Уставъ о наказ., съ разъясн. *А. Анисимова.* Изд. 9. 902. 3 р., въ пер. 3 р. 50 к.
Положеніе объ эмерит. кассѣ военно-сухопутнаго вѣдомства. 96. 40 к.
Уставъ о воинской повинности, съ рѣш. Сената, цирк., правил. объ учетѣ, призывѣ и о в. конск. повин. *А. Анисимова.* 99. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.
Руководство для учета нижнихъ чиновъ запаса арміи и флота. 99. 50 к.
Руководство для призыва нижн. чиновъ запаса арміи и флота. 99. 30 к.
Практич. руководство для суд. слѣдователей *П. Макалинскаго.* Изд. 5, въ 2 частяхъ. 901. 6 р., въ пер. 7 р. 20 к.
Образцы дѣлопроизводства суд. слѣдователей *П. Макалинскій* (прилож. къ руков.). 901. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Сборникъ узакон. и распор. правительства по отчужденію земель и имуществъ для госуд. или обществ. надобности. *С. Дедюлина.* 901. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.
Руководство для волостныхъ судовъ, гдѣ земск. начальники. *Н. В. Муравьева.* Изд. 5. дополненное. 901. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.
Сборникъ опредѣленій соединен. присут. I и кассац. деп. Правительств. Сената. обр. на основ. 119[1] и 119[2] ст. Учр. суд. установл. за 95-901 г. сост. помощ. оберъ-секрет. *Н. В. Карминъ.* 1902 г. 1 р. 50 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Іюня 1903 г. Тип. Мих. Гершуна.